

Каменное Сердце

Кэтрин Патерсон

ВЕЛЛАНДИЯ

КЭТРИН ПАТЕРСОН

Каменное СЕРДЦЕ

Художник Ирина Петелина

Чарльз бросил Каменное сердце к ногам Короля и больше не прикасался к амулету. Король послал за своими учёными мужами, и Сердце поместили под стеклянный колпак, откачав из-под него воздух, так что амулет очутился в вакууме. Оставалось понять, как быть дальше.

— Задача поистине непростая, — сказал Король. — Что бы мы ни решили, кто-то да пострадает. Если мы бросим амулет в воздух, его перехватит какая-нибудь птица, и среди «воздушных сонмов пернатых», как величественно именуют их журавль, поднимется переполох. Если мы швырнём Каменное сердце в реку, его подберут лососи, а лососи, между нами говоря, и без амулета слишком высокого мнения о себе. Если мы выкинем его в лес, между зверями снова начнутся нелады, а если оставим его здесь, рано или поздно до него доберётся кто-то из эльфов. Возникает вопрос: что же с ним делать?

Интернет-магазин
Лабиринт
Labirint.ru

ISBN 978-5-9287-3513-5

9 785928 735135

КЭТРИН ПАТЕРСОН

Каменное СЕРДЦЕ

Сказочная повесть

Художник Ирина Петелина

Москва
«Лабиринт Пресс»
2022

*Посвящается Стивену и Элен Келлогг
с благодарностью за чудесную дружбу
и
нашей дорогой Маргарет Махи,
которая познакомила нас с первоисточником.
К. П. и Дж. П.*

Вселенная полна волшебных
вещей, которые терпеливо ждут,
когда мы о них догадаемся.

Иден Филлпотс (1862–1960)

Глава 1

ФАМ ДЕЛАЕТ АМУЛЕТ

Много лет назад, скажем, тысяч пять или около того, на юге Англии, в местности под названием Дартмур обитали люди, которым в голову не приходило мастерить что-либо из железа и тем более из пластмассы. Домá у них были из камня, топоры из камня, наконечники стрел и копий тоже из камня. Из самых крупных камней они выкладывали круги, линии, квадраты и прочие фигуры, значение которых никто сегодня толком не понимает — а может, не понимали и они. Камней повсюду валялось столько, что, если какое-нибудь племя желало затеять войну с другим племенем, они просто швырялись друг в друга камнями. Вы, наверное, уже догадались, что время, в которое жили эти древние люди, теперь называется каменным веком. Племена каменновечников обитали на поросшей вереском пустоши: куда ни глянь, каменистые гряды, низины да торфяные болота. Не лучшее место

для земледелия, до которого они, впрочем, ещё не додумались. Реки, что протекали по пустоши, кишели рыбой, на суше в изобилии водилась дичь, вдобавок люди разводили овец и иную скотину, так что питались рыбой, мясом, из шкур шили одежду, а вместо портновских игл у них были рыбы кости.

В племени, что жило в каменной деревушке Гримспаунд, было два очень важных человека. Первым и самым важным считался вождь, великий воин, которого звали Брокотокотик, но, поскольку имя его было длинным и тем, кто не слышал о часах с кукушкой, выговорить его было очень непросто, за глаза подданные называли его просто «Брок». Вторым важным человеком племени был шаман, который жил неподалёку от деревни. Имя у него было самое заурядное, и произносить его было легко: звали его Фам. Несмотря на такое простое имя, в племени Фам считался кем-то вроде лорда-канцлера и лорда — главного судьи. Ещё он был единственным лекарем на всю округу и единственным же придворным поэтом. Это значило, что всякий раз, как у вождя случался день рождения, или он выигрывал битву, или жена его разрешалась от бремени, Фама просили сочинить песню в честь этого события. А поскольку письменность ещё не создали, Фаму приходилось сочинять мысленно и петь по памяти; дело это непростое, потому что в некоторых песнях бывало куплетов по двести и больше. Ещё он мастерил из кремня разные вещи: наконечники стрел, копий и прочие полезные штуки.

Но шаманом Фам стал благодаря удивительной способности делать из кремня амулеты, которые отпугивали болотных страшилищ. Он уверял, что изготовить такой амулет очень сложно и что у него это получается, лишь когда на него снисходит Дух грома. (Люди почитали это чудом, на самом же деле Фам их ловко обманывал. Духа грома он видел раза два от силы и вряд ли когда-нибудь встретится с ним снова.) Денег ещё не существовало, и те, кто хотел амулет, давали

за него одну живую овцу, а если амулет требовался исключительно сильный, то и две.

Однажды Фам мастерил из кремня брошь, которую вождь Брокотокотик собирался подарить жене, но работа не спорилась. Он испортил несколько прекрасных кусков кремня, когда в дверях (хотя на самом деле это были никакие не двери, а просто-напросто шкура, свисавшая с каменной балки на входе в каменную мастерскую Фамы) показался юный воин по имени Фаттфатт.

— В племени тебя почитают за мудреца, — не утруждая себя приветствием, произнёс Фаттфатт, — так ответь мне, почему вождь у нас Брок, а не я.

От неожиданности Фам выронил каменный молоток и разбил очередной кусок кремня.

— Что ты имеешь в виду, Фатт? (Юного воина все звали Фаттом — и в глаза, и за глаза).

— Если помнишь, в последней великой битве я убил четырнадцать человек и ещё десятерых ранил.

— Помню, конечно, — согласился Фам. — Если ты не забыл, я сложил в честь победы красивую песню.

— Тогда ты наверняка помнишь, что, когда уцелевшие пустились наутёк, именно я снял с трупа их вождя жилет из белых кротовых шкур да ещё прихватил юбку из чернобурки, принадлежавшую его жене.

— Чистая правда, — подтвердил Фам.

— Тогда ответь: кто в них ходит теперь?

— Как кто, мистер и миссис Брокотокотик в них ходят, — сказал Фам.

— Вот именно. Он отобрал их у меня. Захапал всё лучшее, а что похуже оставил мне. Дескать, это его право. Вот я и хочу знать почему.

— Потому что он сильнее тебя.

— Чушь, — возразил Фатт. — Я сильнее, я моложе, да и мышцы у меня больше. Я, как и он, принадлежу к ордену Пера Серой Цапли. (И он указал на перо серой цапли, которое носил за ухом, — кроме этого пера да медвежьей шкуры на юном воине больше ничего не было. Это перо жаловали только тем, кто убил полсотни с лишним врагов, поэтому Фатт так гордился, что принадлежит к ордену П.С.Ц.) — Сам он в последней битве, — продолжал Фатт, — убил всего семерых мужчин и одного мальчишку. Вот тебе доказательство, что я воин получше, чем старина Брок.

— Гм, — сказал Фам. — Может, как воин ты и лучше, но как человек слабее. Силы воли у него больше. Он прирождённый вождь, а ты нет. Если ты хочешь править этим племенем, тебе придётся стать жестоким, как волк. В этом он превосходит тебя, мой мальчик, ты слишком мягкосердечен.

— Твоя правда, — подумав, согласился Фатт. — Значит, ты должен сделать мне амулет, который ожесточит моё сердце — и чем сильнее, тем лучше.

Фам снова хмыкнул.

— Сделать-то можно, но зря ты это затеял.

— А коли можно, так сделай, — упёрся Фатт.

Фам покачал головой.

— Если я смастерю тебе такой амулет, в нашем племени не будет мира, пока ты не станешь вождём.

— Если твой амулет окажется сильным, много времени это не займёт. Ты знаешь, какое жестокое у Брока сердце. Ожесточи моё сердце вдвойне, и тогда...

— Это ещё не всё, — перебил Фам. — Да, ты станешь вождём, но племя тебя разлюбит. Брок — вождь, но его не любят. Его не встречают радостными криками, как тебя. Дети не плетут для него венки из наперстянок, женщины не нижут для него ожерелья из волчьих клыков, как для тебя.

— Ха! — крикнул Фатт. — Кому нужны эти сопливые прилипалы и ожерелья из волчьих клыков? Я хочу белый кротовый жилет и власть... безграничную власть!

Фам, как все лучшие шаманы, ценил мир, поэтому принялся отговаривать Фатта, но тщетно. Наконец его осенило.

— Между прочим, — заметил он, — такой амулет стоит ужасно дорого.

— Сколько именно? — уточнил воин.

— Намного дороже, чем ты можешь себе позволить, — ответил Фам, радуясь, что выкрутился из затруднительного положения.

— Сколько? — не унимался Фатт.

«Надо непомерно задрать цену», — подумал Фам и ответил:

— Тридцать две овцы и тридцать два ягнёнка.

Фам вздохнул с облегчением: он был уверен, что Фатт в жизни не заплатит такую цену, даже если бы и мог.

Фатт глубоко задумался, и Фам добавил:

— Да и что проку в жестоком сердце, мой мальчик? Мягкое сердце получает награду куда более приятную, а быть вождём такого племени, как наше, — это тебе не чернику собирать. Лучше знаешь что? Давай-ка я смастерю тебе отличный амулет, который помогает ловить белых кротов. Ты поймаешь их столько, что вскоре твоя жена сошьёт тебе жилет из шкур куда лучше, чем те обноски, в которых щеголяет вождь: мне говорили, они все трачены молюю...

Но Фатт не слушал.

— И твой амулет ожесточит моё сердце вдвое против Брокова? — уточнил он.

— Да, но и тягот у тебя прибавится вдвое.

— И справиться с ними я сумею вдвое ловчей.

Фам отчаялся разубедить упряма: тот ушёл домой считать овец и ягнят. Оказалось, что у него ровно тридцать две овцы и тридцать два ягнёнка. Его стада хватало, чтобы оплатить обещанный амулет. На следующий день довольный Фатт вернулся к шаману.

— Но это же весь твой скот! — возразил Фам. — У тебя ничего не останется.

— А ты не так умён, как кажешься, — ответил Фатт. — Когда моё сердце ожесточится, я получу столько овец, сколько захочу. И коров. И вообще всё, что пожелаю, если уж на то пошло. Ну что, когда ты отдашь мне амулет?

Фам вздохнул.

— В лучшем случае через месяц. Но ты должен понимать: кремьень — камень коварный, никогда не знаешь, расколется ли он, как задумано.

— Я вернусь через месяц, — сказал Фатт. — И как только ты отдашь мне амулет, моих овец и ягнят перегонят к тебе на двор.

И Фатт был таков. Фам взял камень, намереваясь для пробы постучать по нему топором, как вдруг случилось чудо. С первого же удара кремень раскололся натрое, и та часть, что посередине, вышла в виде чёрного сердца с дырой. Фам изумился. Одним ударом топора он заработал тридцать две овцы и тридцать два ягнёнка. Странное чувство овладело Фамом. Он понимал, что такие вещи не происходят случайно. Это значит лишь одно: ему помог великий, ужасный и лукавый Дух грома. Фам подумал было выбросить Каменное сердце в реку, но за такое Дух грома ударит в него и сожжёт дотла. Так случилось давным-давно с шаманом по имени Сминт, дерзнувшим рассориться с Духом грома. От Сминта остался лишь уголёк размером с кокос.

Делать было нечего: Фам выскочил из мастерской и окликнул Фатта, который, по счастью, не успел уйти далеко.

Представьте себе удивление Фатта, когда он увидел Каменное сердце. Он ведь только ступил за порог! Фатт решил,

что Фам за здорово живёшь выманил у него тридцать две овцы и тридцать два ягнёнка, о чём Фатт, не колеблясь, и объявил.

— Хочешь — бери, не хочешь — уходи, — ответил Фам. — И, как по мне, лучше бы ты его не брал. В противном случае ты об этом ещё пожалеешь, и это так же верно, как то, что меня зовут Фам.

— Увидим, — ответил Фатт.

Он привязал к амулету кожаный шнурок, повесил на шею и отправился взглянуть на себя в пруд у мастерской Фама. Но вместо своего отражения увидел в воде жуткого чёрного призрака. Тот не был уродлив, но глаза у него были странного медного цвета, точь-в-точь как небо перед грозой. Перекрученные, извивающиеся, точно языки пламени, розово-синегенные пряди волос ниспадали ему на лоб. Фатт шарахнулся от пруда и заметил в небе зловещий образ, который только что видел в отражении.

— Смотри! — сказал Фам. — Дух грома! Прислушайся. Он говорит!

Тут раздались раскаты грома. С небес загремела, грохотала страшная музыка.

— Вот видишь, что ты натворил, — заметил Фам. — Не хотел бы я оказаться на твоём месте, даже если бы мне отдали всех овец Дартмура.

Но Фатт оправился от потрясения, улыбнулся и кивнул.

— Хватит уже, Дух грома, — крикнул он в небо. — Мы вообще-то не глухие.

У Фама отвисла челюсть. Как посмел Фатт дерзить Духу грома? Фам ожидал, что надменного воина тут же обратят в уголёк, но, видимо, Духа грома позабавило, что эта двуногая букашка осмелилась ему перечить. Он расхохотался так, что земля содрогнулась, и, облекшись в облака, унёсся с грозой прочь.

Миг — и небо прояснело, но даже его синева не шла ни в какое сравнение с посиневшим лицом Фама. Он развернулся и ушёл в мастерскую доделывать брошь для миссис Брокотокотик, Фатт же припустил к Гримспаунду: ему не терпелось испытать новообретённую силу.

ПРАВЛЕНИЕ ФАТТА

Случилось так, что на дороге возле выхода за главную каменную стену, окружавшую Гримспаунд, играли в бабки трое ребятешек. Завидев великого и всеми любимого воина Фатта, они крикнули:

— Мистер Фатт, поиграйте с нами в бабки!

— Прочь с дороги! — заорал он, и не успели дети пошевелиться, как Фатт отвесил им такого пинка, что все трое разлетелись кто куда.

Видевшая это женщина бросилась в деревню.

— Великий воин Фатт лишился рассудка! — закричала она. — Убивает детей у ворот!

Отец ребятешек решил, что дети его мертвы, выбежал из дома и обрушил на Фатта самые крепкие ругательства на языке племени, которые мы, по счастью, уже не можем выговорить: он обозвал его «спзфлутой», «ббджкфджуком» и даже «бабблексгом». Едва он перестал изрыгать проклятья, как Фатт хладнокровно достал свой кремнёвый топор, тукнул безутешного отца по голове и прикончил на месте.

Разумеется, после такого люди зареклись связываться с Фаттом. Сомнения в его правоте оборачивались сломанной челюстью или распоротым животом. Тем неразумным, кто отваживался открыто возражать Фатту, он раскалывал

череп надвое так стремительно, что они не успевали снять шапку.

Миссис Фатт, как примерная жена, приняла сторону мужа, но тринадцать Фаттов-младших от одного только взгляда отца принимались реветь, убегали и прятались за огромных, поджарых, похожих на волков пастушьих собак, которые по ночам охраняли стада. Но после того как Фатт с ними потолковал, трусили даже собаки: заслышав его голос, они рычали, щетинились, поджимали хвосты и убегали.

Через три дня такой жизни племя, дождавшись, пока Фатт уйдёт охотиться на медведя, отправило делегацию к Броку, чтобы умолить его во имя мира и прогресса как можно скорее отделить голову Фатта от плеч.

Разумеется, глашатаем от делегации выбрали Фама, но он неловко промямлил просьбу, поскольку, как и его соплеменники, опасался, что Фатт вот-вот вернётся и они не успеют ни о чём договориться. Описывая все пинки, сломанные челюсти и дыры в животе, не говоря уж об убийствах, которые совершил Фатт, шаман заикался и пыхтел.

— Переведи дух, — сказал ему вождь. — Торопиться нам некуда, мой дорогой Фам. До ужина я совершенно свободен.

И это доказывает, каким мудрым, прозорливым и рассудительным для того времени человеком был Брок.

Фам поблагодарил его и продолжал:

— Поэтому мы просим, умоляем, заклинаем и взываем к тебе: если Твоя жизнерадостная и добродушная Милость соизволит защитить нас от невыносимой свирепости Фатта...

— Идёт, идёт! — закричали люди, нервно оглядываясь на ворота.

— Чем быстрее он придёт, тем лучше, — сказал Брок. — Мы очень злы. Так вести себя нельзя — это совершенно нелюбезно. наших врагов ему, что ли, мало, коль приспела охота

убивать? Что за распушенность, в самом деле. Взяли моду — убивать друг друга без веской на то причины! Это не поджентльменски и вообще — дурной пример детям. Я такого не потерплю, вот что. Скажите Фаттфатту, чтобы немедленно шёл ко мне.

— Ты уж не сердчай, но он не слушается ничьих приказов, — ответил Фам. — Не далее как вчера двое смельчаков деликатно намекнули ему, что таким поведением он навлёт на себя критику. Так он в ответ разрубил их напополам.

— Значит, пора действовать, — резюмировал Брок, встал с гранитного трона, накинул плащ из медвежьей кожи, отороченный белыми заячьими хвостами, и надел корону из перьев зимородка. — Фатта надо образумить, — заключил он, — а если подобное повторится, то и наказать.

Вождь велел подать походный трон, и четверо воинов отнесли его к дому Фатта, а всё население Гримспаунда потянулось следом — посмотреть, что будет.

Фатт стоял на пороге и ел кусок пирога, а позади него, в каменном доме, миссис Фатт свежевала медведя, которого Фатт на спине приволок домой с охоты.

— Здравствуй, Фатт, — сказал Брок.

— Здоров, — буркнул Фатт с набитым ртом.

— Я вижу, ты чай пьёшь, — вежливо продолжал вождь.

— Правильно видишь, — откликнулся Фатт.

— А не приходило ли тебе в голову, что многие храбрые воины сейчас тоже пили бы чай, если бы ты не расправился с ними?

— Ха! — сказал Фатт. — Оставь эти сантименты. — И вновь принялся за пирог.

В воцарившейся звенящей тишине можно было услышать, как моргают жители деревни.

Наконец Брок встал с трона и произнёс, вперившись в Фатта:

— Послушай, Фатт, вождь я тебе или нет?

— Нет, — ответил Фатт.

— Тогда я обвиняю тебя в измене, — заключил Брок, потихоньку теряя терпение, — а ты знаешь, какая за это положена кара.

— Измена тут ни при чём, — возразил Фатт. — Я сказал лишь, что возражаю против того, чтобы ты назывался вождём этого племени, и требую этого права для себя.

— Быть может, объяснишь почему? — спросил Брок.

— Потому что я сильнее, больше, моложе и править сумею лучше тебя, — пояснил Фатт.

— Возможно, — произнёс Брок, — хотя я и не готов это признать. Но поскольку вождь всё-таки я и эти леди и джентльмены довольны тем, как мы с женой отправляем свои обязанности, негоже тебе городить чепуху. Ты единственный, кто против, а значит, ты в меньшинстве.

— Допустим, — сказал Фатт, — кто хочет присоединиться к меньшинству?

Никто не ответил, и грозный Фатт, поплевав на ладони, взялся за боевой топор.

— Если вы не присоединитесь к меньшинству, вы присоединитесь к большинству! — пригрозил он, крикнул Духу грома: «Эй, помоги!» — и дерзко набросился на соплеменников. С первого же удара Фатта Брокотокотик рухнул замертво; Дух грома никого не убивал, однако погромел и порокотал вволю, так что всем стало ясно: он поддерживает смену власти.

И тогда все уцелевшие воины, не желая накликать на себя ещё бóльшую беду, сдались, потому что жёны умоляли их подумать о детях, к тому же Фатт пообещал подарить всем подарки в честь своего грядущего дня рождения. Потом Фатт накинул плащ из медвежьей шкуры, отороченный заячьими хвостами, всё племя склонилось перед ним и спросило, чего желает новый вождь.

Первым делом Фатт повелел устроить погребальный костёр и сжечь тело Брока. Похороны предполагались торжественные: Фаму заказали поминальную песню, да такую длинную, чтобы хватило на три дня. Прах Брока должны были отнести за много миль от Гримспаунда и погребсти под грудой камней, как обычно хоронили тех, кто скончался скоропостижно. (Придумано это было для того, чтобы дух усопшего заплутал среди болот и не нашёл пути домой.) «А потом я воссяду на гранитный трон, и месяц мы будем пировать, день и ночь объедаться и опиваться, пока не лопнем. Потом нам придётся потрудиться на славу, привести себя в форму, потому что я поведу вас на наших врагов».

Так Фатт стал править вместо Брока, и я даже не хочу упоминать о мерзостях, которые он творил: слишком уж это гадко. Он выигрывал все сражения, и племя подчинялось ему беспрекословно, хотя ненавидело его до дрожи. Бедная миссис Фатт умерла от горя, но Фатту было плевать. Он завёл себе ещё двадцать семь жён и измывался над всеми ними. Помимо прочего, он истребил всех страшилищ-бук, кроме того единственного, которое держал на цепи, чтобы пугать детей. Под его руководством

племя стало самым свирепым, самым жестоким и самым могущественным во всём Дартмуре, но, несмотря на власть и богатство, несмотря на новые дороги, каминьы и тот факт, что Фатт изобрёл земледелие и установил множество праздников, племя его не любило, потому что власть его основывалась на страхе. А бояться людям рано или поздно обязательно надоест.

В общем, несмотря на все свои победы и величие, Фатт казался хмурым и измученным. Порой он не без ностальгии вспоминал времена, когда сердце его было добрым, но о том, чтобы вернуть былое, не помышлял. Он старел, но по-прежнему цеплялся за Каменное сердце, поскольку считал, что ни один будущий вождь не справится без этого амулета. Он призвал к себе Фама и наказал ему передать Каменное сердце тому из внуков, кого Фатт выбрал преемником.

Фам поклялся исполнить наказ, но не сдержал слово. Когда прах Фатта отнесли на болота и все заслушались длинной одой, которую пел Фам по случаю похорон, шаман украдкой подбросил Каменное сердце в кучку пепла, и его погребли под мириадами камней вместе с останками вождя. Фам знал, сколько зла способен причинить амулет, и желал, чтобы он исчез навсегда.

И на пять тысяч лет мы оставим злополучное Сердце лежать в пучине болота.

Глава 3

СЕМЕЙСТВО ДЖАГО С ФЕРМЫ МЕРРИПИТ

Минули тысячелетия, и вот мы в Англии столетней давности. Вы наверняка догадались, что за это время здесь кое-что изменилось. Древняя деревенька Гримспаунд превратилась в грудку камней. Курган, под которым упокоился Фатт, зарос

таким жёстким и колючим утёсником, какого не сыщешь во всём Дартмуре. И неудивительно, ведь корни его уходят в прах жестокого тирана, при жизни переколовшего немало народу.

Впрочем, двое героев из прошлого и сейчас живы-живехоньки. Первый — Дух грома, и он по-прежнему гремит и грохочет, как в старом добром каменном веке, а второй — Каменное сердце. Фам схоронил его в кургане, чтобы оно не наделало бед, и с тех самых пор оно не делало бед, да вот незадача — в отличие от Фатта, не обратилось в прах. Но случись вам спросить его, как оно себя чувствует там, под грудой камней, оно ответило бы: «Чувствую себя отлично, большое спасибо, замечательно отдохнуло и готово взяться за дело».

На земле, у подножий холмов и на берегах сверкающих рек, расположились фермы и дома. Даже у коров и свиней жилища теперь лучше, чем были у людей каменного века из первых глав. Один из таких домов называется «ферма Меррипит», и находится он в нескольких милях от руин бедной старой деревушки Гримспанд.

Задолго до того как была выстроена ферма Меррипит, Дартмур облюбовали эльфы. Вы, читатели, люди современные, мыслите по-научному и наверняка скажете, что не бывает никаких эльфов, фей и прочей братии — домовых, троллей, флибертиджиббетов, пигвидженов*, привидений, вурдалаков и так далее и тому подобное. Что ж, значит, вам придётся поверить мне на слово, ведь если вы считаете, что эльфов и других так называемых «фантастических существ» не бывает, эта история лишится всякого смысла (в чём вы сами скоро убедитесь).

---

* Флибертиджиббет — бес, нечистая сила; упоминается в трагедии Шекспира «Король Лир»; Пигвиджен (англ. Pigwidgeon) — волшебная сова Рона Уизли, друга Гарри Поттера. *(Здесь и далее примеч. переводчика.)*

Но давайте вернёмся на ферму Меррипит, обитатели которой как раз собрались за чудесным ужином. Ведь сегодня Рождество; можете себе представить, сколько угощений они наготовили. Начали с гуся, от него перешли к праздничному пудингу* и пирожкам со сладкой начинкой, а завершили десятью апельсинами, десятью плитками лучшего молочного шоколада и десятью игрушечными санта-клаусами. У сант откручивалась голова, а внутри они были битком набиты разными конфетами.

Во главе стола сидит отец, Билли Джаго, крупный мужчина с красной шеей и пухлым, чисто выбритым добродушным лицом. Жену его зовут Салли, детей — Джон (ему восемнадцать, он уже совсем взрослый), Мэри (ей пятнадцать,

---

* Традиционный рождественский пудинг с орехами и сухофруктами.

она главная мамина помощница), Тедди (талантлив только в одном — ловле форели) и Фрэнк (мастерски подражает кряканью уток, квохтанью индюшек и голосам прочей домашней птицы — не самый, однако, полезный навык). Но важнее для нашей истории двенадцатилетний Чарльз, который очень любит читать и, пожалуй, гораздо умнее всех своих братьев и сестёр. За ним идут близнецы, Сара и Джейн, эти вечно молчат, потом Юнити, ей всего пять, и она, как все пятилетки, вечно всему удивляется. Почти каждую фразу она начинает со слов «А вот интересно», — не то что Джон, который в свои восемнадцать из всех сил притворяется, будто не удивляется ничему. Ох, чуть не забыл малыша Дикки — разумеется, и он здесь. И Шип, овчарка семьи Джаго, — о нём тоже нельзя забывать.

Ну вот, теперь вы знакомы со всей семьёй, можно продолжать рассказ. В самый разгар чудесного рождественского ужина Билли Джаго сообщил удивительную новость.

— Еду я, значит, на пони мимо Пушного холма, высматриваю жеребёнка, которого потерял Нат Слоукам, а навстречу мне чужанин. Тощий, что твой прутик, ногастый, нос длинный, как у учёного: такой хорошо совать в каждую щель. И очень он интересуется старыми каменюками, сваленными на пустоши. Посулил мне десять фунтов — десять фунтов! — если я кое в чём ему пособию возле Пушного холма.

— Десять фунтов! Ну, отец! — воскликнула миссис Джаго, и маленькие Джаго подхватили хором: «Десять фунтов! Ну, отец!» Промолчал только Джон: как уже говорили, он был в таком возрасте, когда не удивляешься ничему.

— Вот именно, — сказал мистер Джаго, — да только боюсь, он с тем же успехом мог посулить мне и добрую сотню — едва ли я сумею ему помочь. Одним словом, он говорит: в старом могильнике на пустоши спрятаны бронзовые вещицы. И если я его раскопаю, он мне отсыплет денег.

— Ищи ветра в поле, — ответила миссис Джаго, — сам ведь знаешь, что дело пропавшее. Последний учёный дурак там полгода рыл да копал, а что нашёл? Горсть пепла, несколько черепков да три янтарные бусины — такие в Плимуте продают по два пенса. Не лезь ты в это, Билли.

Мистер Джаго выудил из кармана визитку.

— Звать этого носастого Никодимус Нестор Фродшем Перк, он член Лондонского королевского общества, сотрудник Британского музея, — прочитал он.

— Вот и пусть съёт свой нос где-нибудь в другом месте, — сказала миссис Джаго. — А нам такое без надобности.

— Да вовсе я не собирался с ним слоны-то слонять, — заверил мистер Джаго, — но завтра всё одно праздник и делать мне нечего, поеду уж пособию. В той старой могиле возле Пушного холма до него явно ещё никто не копался, так что, ежели чего там и есть, он бесприменно найдёт, потому что могила та поросла таким колючим утёсником, что просто жуть. Ну да уж завтра мы её вскроем — пусть даже для того чтобы убедиться, что там ничего нет. Тем более всё равно праздник, так что невелика беда.

— Ну и дурак, — отрезала миссис Джаго.

Но наутро мистер Билли оделся в рабочее и отправился в путь. Чарльз, как самый разумный из детей Джаго, отправился с ним — помочь донести кирку, лопату, корзину и серп, чтобы резать утёсник, а Шип увязался за ними просто для интереса.

Они явились к холму, а профессора нет как нет. Он собирался прийти, но по дороге набрёл на прелюбопытное место и остановился, чтобы как следует его изучить. В конце концов он исписал три блокнота рассуждениями для новой книги, которая должна была по-новому объяснить, откуда есть пошёл Дартмур, и рассуждения эти так его вдохновили, что он просидел там долгонько, схватил насморк и вернулся

на постоянный двор лечиться, а о встрече с Билли Джаго и не вспомнил.

Тем временем Чарльз с отцом принялись прорываться сквозь заросли утёсника, прорубаться сквозь вереск и торф. Наконец они разобрали груды камней и обнаружили древнюю могилу. Никакой бронзы они, конечно же, не нашли, поскольку это была могила Фатта, а он жил в каменном веке, и лучше было б, если бы они вообще ничего не нашли, однако Билли кое-что подобрал и сунул в карман.

— Тому джентльмену наверняка понравится этот диковинный древний камешек, — сказал он.

— Это же просто кусок кремня, — удивился Чарльз.

— Ну разумеется, это и дураку ясно, — рявкнул в ответ Билли, и Чарльз попятился в изумлении: отец был добрейшей души человек. Вы же, думаю, ничуть не удивлены и уже догадались, что Каменное сердце в кармане жилетки Билли Джаго, кипя злобой, охотно взялось за старое.

Случись Чарльзу в эту минуту поглядеть на юго-запад, он увидел бы, как из чёрной тучи хохочет Дух грома. Но Чарльз таращился на отца и ничего не заметил. Билли набил трубку, закурил и велел сыну:

— Собери инструменты да отнеси их домой.

— Все-все?

— Да, все-все. Слышал, что я сказал? Али оглох? —

И Билли Джаго ушёл, а Чарльз так и остался стоять, точно гранитные глыбы над могилой Фатта. Вскоре оторопь сменилась слезами: отца Чарльз обожал, и эта внезапная перемена глубоко его опечалила. Наконец он вытер глаза, собрал инструменты, Шип взял в зубы кирку, и они побрели домой.

С такой тяжёлой поклажей шли они медленно, домой, в Меррипит, добрались уже затемно — и обнаружили, что на ферме не осталось следа от бывшего веселья: ведь туда явилось Каменное сердце и сразу взялось за дело.

Чарльз вошёл в дом и увидел, что мать в ярости мечется по кухне, а Джон, совсем взрослый, сидит у камина, прикрывая рукой фингал, и изо всех сил притворяется, будто ни капельки не удивлён. Мэри укладывала близнецов, Тедди дрожал от страха под столом, Фрэнк прятался за лавкой, Юнити с интересом наблюдала за происходящим, а малыш Дикки крепко спал. Мать обернулась к Чарльзу.

— Это всё тот прохвост виноват, больше никому, — сказала мать. — А твой отец небось получил свои десять фунтов и возомнил, что раз он теперь богат, так жена, дети и дом мизинца его не стоят.

— Пожалуйста, дай мне поесть, — взмолился Чарльз, — я умираю от голода. Отец велел отнести домой все инструменты, и если б не Шип, мне бы сроду с этим не справиться.

— Кто он вообще таков? — спросила мать, накладывая Чарльзу еду. — Судя по тому, что выкамаривает твой папаша, сам нечистый, и не менее. Околдовали его, как пить дать околдовали.

— К нам никто не пришёл, — с набитым ртом пробормотал Чарльз. — Мы копали, копали, но ничего не нашли, кроме дырявого кремешка. А потом — как гром с ясного неба:

отец ни с того ни с сего напустился на меня, велел отнести домой все инструменты и был таков. Он никогда со мной так не разговаривал. Вижу, что и вам досталось от него.

— Зашёл, кричит: подавай обед, — подхватил Тедди, — мама сказала, обед ещё не готов, а он в ответ: как так? Джон заступился за маму, а отец так ему вмазал, что он кувырк через каминную решётку. Гляди, какой фингал! Мы с Фредди перепугались, что нам тоже влетит, и выбежали из дома. Возвращаемся, а они с мамой ругаются на чём свет стоит, правда, мам?

— С ума сошёл, не иначе, или эльфы его заморочили, — вставил Чарльз.

— Обычно, — продолжал Тедди, — когда мама с отцом бранятся, последнее слово всегда остаётся за мамой, правда, мам? А тут отец её переговорил. Съел весь обед до последней крошки и ушёл со двора: он-де ошиплет перья этому мистеру Френчу из долины, который мнит себя самой важной персоной в Постбридже. Он, мол, этого не потерпит. Бог знает, что он ещё натворил.

В этот миг из-за садовой калитки донёсся ужасный шум. Крики, собачий лай. Затем послышался грохот. Шип ринулся посмотреть, что это за собаки, а Чарльз — кто пожаловал на ферму. Миссис Джаго осталась в доме, а с нею Джон и прочие дети. Уж очень их напугали выходки мистера Джаго, и теперь их не интересовало, что стряслось на улице. Миссис Джаго только вздохнула, а Джон попросил новый клочок обёрточной бумаги — приложить к синяку*.

Тут вошёл хозяин дома в сопровождении Чарльза.

---

* К ушибам и синякам прикладывали обёрточную бумагу, пропитанную уксусом. Обёрточную бумагу в XVIII–XIX веках делали из мешковины, холста, старых веревок, она получалась очень грубой, хорошо удерживала влагу.

Мистер Джаго лучился самодовольством, но от бывшего его добродушия не осталось и следа. Протопав на кухню, он шлёпнул себя по коленке и заявил, что провернул удачное дельце.

— По пути я встретил старого Бассетта и предложил ему за поле чуть больше, чем этот Френч, и заполучил богатый луг, о котором давно мечтал. Потом я встретил Френча, сказал ему, что сделал, он разъярился, ударил меня, я в ответ вмазал ему по уху и швырнул через изгородь.

После этого мистер Джаго потребовал ужин, никого не бил и не разговаривал ни с кем, кроме Джона. Словно и позабыл, что поставил ему фингал. Мистер Джаго распилился о будущем, точно они с Джоном лучшие друзья.

— Мы растормошим это сонное царство! — заявил он. — Коли возьмёмся за дело, ожесточим сердца и не будем слушать ничьи бредни, то ровнёхонько через год всех здесь обскачем. Уж я-то знаю, как их обойти, а Джон мне пособит.

И он поделился с Джоном дикими мыслями, которые пришли ему в голову. До такого не додумался даже Фатт, заполучив Каменное сердце, но с тех пор в мире многое изменилось и, кроме прочего, появились полисмены. Они загубили немало славных удалых затей, на которые пускались люди, — поймать и сволокут в кутузку, а в том, чтоб сидеть в кутузке, нет ни славы, ни удали. Но Билли Джаго видел полисменов насквозь и строил хитрые планы. Коммерсанты прибегают к множеству ухищрений, и Билли Джаго, некогда человек честный, прямой и добросердечный, похоже, не только выучил наизусть все эти омерзительные уловки до единой, но и с невероятной смекалкой применял их на деле, в результате чего нажил врагов на многие мили вокруг.

С домашними Билли уже обходился спокойнее. Даже Каменное сердце нет-нет да устанет, и в такие минуты Билли добрей, шутил с детьми — словом, превращался в того

любящего отца, каким был когда-то. Но эти минуты скоро сменялись другими: Билли снова злобился и бесчинствовал.

Наконец дети и Шип собрались украдкой в деревянном домике, дабы решить, что делать с отцом. Джона с собой не позвали, потому что он всё больше походил на Билли. Слово взял Чарльз.

— Братья, сёстры и Шип, — торжественно начал он, — мы собрались здесь, потому что должны придумать, как сделать так, чтобы отец снова стал добрым.

И дети в один голос ответили:

— Верно! Верно!

Поднялся Фрэнк, обратился к собравшимся:

— Отец стал злой как собака.

— Я попросил бы! — воскликнул Чарльз. — Мы собрались решить, как сделать так, чтобы он снова стал добрым. Не говори, что он злой как собака, а то Шип обидится.

Фрэнк уселся, поднялся Тедди.

— Давайте подарим ему подарок, — предложил он.

— Верно! Верно! — дружно подхватили дети.

— Где мы его возьмём? — спросила Мэри.

Чарльз попросил каждого внести предложение, и когда все высказались (кроме близнецов: те вечно отмалчивались), настал черёд Юнити.

— А вот интересно, — начала она, — не подскажут ли эльфы старшему братцу Чарльзу, что подарить отцу.

— Верно! Верно! — воскликнули дети.

Шип что-то гавкнул — наверняка он тоже имел в виду «Верно, верно!»

— Думаю, Юнити дала самый умный и дельный совет, — сказал Чарльз. — Никто из нас сроду не видел эльфов, но все мы отлично знаем, что они существуют. Я постараюсь их отыскать. Завтра вечером я один отправлюсь к Холму эльфов. Быть может, мне повезёт встретить эльфа и поговорить

с ним. Если он будет так любезен, что выслушает меня, глядишь, что-нибудь и получится.

На том и разошлись, но прежде Мэри предложила поблагодарить Чарльза за то, что он возглавил собрание, и за то, что пообещал сделать.

Глава 4

МИСТЕР ДЕ КВИНСИ

Назавтра Чарльз отправился к Холму эльфов, надеясь встретить там эльфа. Минуло уже несколько месяцев после того ужасного дня, когда отец выкопал Каменное сердце. Чарльз забрёл в поросшую пролеской лощинку и остановился у огромных мшистых валунов. Меж двух валунов обнаружилась крохотная щель: поговаривали, что это вход в город эльфов.

Чарльз уселся на ковёр из пролески и принялся терпеливо ждать, когда же покажется эльф.

И терпение его было вознаграждено. Чуть погода из щели показалось крохотное смуглое существо. Сперва Чарльз решил, что это ласка или горноста́й, но тут существо поднялось на ноги, вытянуло руки, и Чарльз разглядел, что это человечек — лобастый, с впалыми щеками, седыми усами и востреньким носом. На человечке был длинный плащ цвета жухлого папоротника, с поясом и остроконечным капюшоном, топырившимся над ухом. Под мышкой у человечка была книга.

Эльф привстал на цыпочки и понюхал пролеску. Потом повёл носом, точно мышонок, отважившийся выбраться из норы, присел на травинку, вздохнул, надел крохотные очки и раскрыл книгу.

Чарльз обожал книги и знал, как тяжело прерываться, если увлётся чтением, поэтому решил обратиться к эльфу, пока тот не зачитался. Мальчик встал, вежливо поклонился и произнёс:

— Сэр, можно с вами поговорить?

Эльф поднял глаза (точь-в-точь как мы, заслышав гром, смотрим на небо), молча выудил крошечный телескоп и оглядел Чарльза с головы до пят.

— Я вижу, ты человек, — наконец сказал он. Голос у эльфа был тонкий и резкий, как стрёкот кузнечика, но говорил он отчётливо, и Чарльз прекрасно его расслышал.

— Да, — ответил он. — Меня зовут Чарльз, мне двенадцать лет.

— Ты случайно не родственник великого Чарльза?

— Вы о короле?

— Нет, — ответил эльф, — не о короле. Я о Чарльзе Диккенсе. Справедливости ради, в истории Англии только этот Чарльз и достоин упоминания.

— Тогда, боюсь, нет, — сказал Чарльз. — Я о нём ни разу не слышал.

— Тем хуже для тебя, — с этими словами эльф взялся за книгу и начал читать.

— Дело в том, — произнёс Чарльз, — что мне нужно с вами обсудить один прискорбный вопрос.

— Есть лишь один прискорбный вопрос, — ответил эльф. — И я всегда готов его обсудить. Но сперва позволь я уменьшу тебя до более удобных размеров. Не бойся. Когда мы договорим, я верну тебе твой настоящий рост.

Эти слова озадачили Чарльза, но не испугали. Эльф же выудил из кармана карандаш, начертал на башмаке Чарльза знак, произнёс заклинание, и в следующий миг Чарльз обнаружил, что сравнялся ростом с лесным человечком.

— А теперь садись поудобнее, — предложил эльф, — и мы обсудим самый прискорбный вопрос на свете. Но сперва позволь представиться: меня зовут Де Квинси.

— Правда? — Чарльз уселся на соседний листик.

— Да. Настоящий Де Квинси, как тебе, должно быть, известно, хотя, скорее всего, нет, был великий писатель,

и когда мне настала пора выбрать имя, я назвал себя Де Квинси.

— А эльфы сами выбирают себе имена? — удивился Чарльз.

— Конечно. Что в этом такого? В двадцать один год, когда от нас требуется взять себе имя, я выбрал «Де Квинси», благо его никто не занял. И это подводит нас к тому самому прискорбному вопросу. Я о музыке английской речи. Она исчезла. Мы её потеряли. Музыка прозы осталась в прошлом. — Эльф, должно быть, почувствовал, что вот-вот расплатится, и достал носовой платок.

— Не надо плакать, — попросил Чарльз, — лучше объясните, в чём суть. Я не понимаю, что значит «музыка прозы».

— Для этого тебе следует читать великих английских писателей, — ответил эльф, — тех, чьи нетленные стяги реют на гребнях стен и башен нашего достославного языка!

— Ну и ну, — сказал Чарльз, — как же красиво вы говорите. Хотел бы я разбираться во всяком таком.

— Никто, — продолжал Де Квинси, — не посмеет утверждать, будто бы я не поддерживаю гармонию и прелесть нашего родного языка. Даже если я за завтраком прошу налить мне ещё чаю, я делаю это как истый поэт. Но, — эльф вздохнул, — меня не ценят. Кому теперь есть дело до музыки английской прозы? Никому-преникому. И это прискорбно, прискорбнее всего на свете.

— А Шекспир был кто-то известный? — спросил Чарльз. В одно лето на ферме Меррипит жили постояльцы, и они забыли в доме «Сон в летнюю ночь».

— Сними шляпу, когда произносишь это имя! — велел эльф, и Чарльз послушно стянул шапку. Де Квинси тоже скинул коричневый капюшон, обнажив голову.

— Вы читали ту его смешную книгу про эльфов? — спросил Чарльз.

— Тебя тогда не то что на свете, а и в замыслах не было, — ответил эльф, — перед тем как её написать, он посетил мир эльфов. К моему большому сожалению, это было ещё до меня, хотя истории о том гостевании стали частью наших славных преданий... Но мы забываем музыку английской прозы. Потеря, рвущая душу потеря! Причина многих горьких слёз. — Тут человечек всё-таки разрыдался. Чарльз заметил, что слезинки, скатывающиеся по щекам эльфа, похожи на крохотные жемчужины. Они барабанили о землю, точно градины, разве что не таяли.

— Можно я соберу эти прекрасные слёзы? — робко спросил Чарльз.

— О слёзы, слёзы, что в вас, я не знаю*, — ответил Де Квинси, не упустив случая процитировать Теннисона. — Да-да, бери, конечно, но вряд ли тебе от них будет толк. Слёзы эльфов — семена очанки: между прочим, это растение упоминает Мильтон в «Потерянном рае». Посадишь слёзы эльфов, и вырастет очанка, она же глазная трава. Эксперимент показал, что из моих слёз всегда вырастает лиловая.

Повисло долгое молчание, и добродушный Чарльз, который любил говорить о том, что важно для собеседника, спросил у эльфа, какую книгу он читает: мальчик подумал, эльфу будет приятно об этом рассказать.

— В настоящее время я изучаю словарь, — ответил эльф. — На его страницах можно почерпнуть немало приятного и полезного. Я прочёл и выучил все буквы алфавита, кроме «ф». Возможно, ты заметил, что я не произнёс ни одного слова, которое начиналось бы с буквы «ф». Всё потому, что я ещё до неё не дошёл.

— Я знаю два слова, которые начинаются с «ф», — сказал Чарльз.

---

* А. Теннисон «Слёзы», перевод К. Бальмонта.

— Никогда не подумал бы. Ты меня удивляешь. И какие же это слова?

— Фламинго и фигляр, — произнёс Чарльз.

— Благодарю. Фламинго я встречал в трудах по естествознанию, — признался эльф, — а вот слово «фигляр» мне незнакомо. Что оно означает?

— Того, кто кривляется, дурачится.

— Великолепно, — проговорил эльф, — надоело мне называть прочих эльфов дураками, теперь буду звать их фиглярами. Приятное разнообразие.

— Я думал, все эльфы сообразительны и умны, — заметил Чарльз, немало удивлённый тем, что, оказывается, и среди эльфов встречаются дураки.

— Куда там! Все слои общества состоят преимущественно из дураков. Мы, люди с мозгами, — тебя я тоже к ним причисляю, поскольку ты знаешь два слова, которые начинаются на букву «ф», — мы, умные люди, вынуждены думать за тех, кто сам не способен думать.

— Как же мне повезло, — сказал Чарльз, — я встретил такого славного умного эльфа: ведь если большинство из них тупицы, они бы мне ничем не помогли. А теперь я расскажу, зачем пришёл.

И он поведал Де Квинси о том, как изменился отец и как все дети (кроме Джона) и даже Шип собрались, чтобы решить, что делать.

— Мы решили подарить ему подарок, но вот вопрос: что бы это могло быть? Юнити, это наша сестра, ей пять лет, предложила мне пойти спросить у эльфов. Вот я и пришёл.

Де Квинси задумался. Он понятия не имел, что бы такое дети Джаго могли подарить Билли Джаго, но притворился, будто бы всё об этом знает.

— Ответ на твой вопрос найти нетрудно, — произнёс он наконец. — Мне случалось разгадывать загадки и посложнее,

и никто ни разу не усомнился в справедливости моих решений. Но в следующий вторник в гости к нам пожалует Загабог. Вечер обещает быть чудесным: музыка, чтение, танцы, ужин из тридцати восьми блюд, лучшие вина и мороженое на десерт.

— Это, конечно, интересно, — сказал Чарльз, — но едва ли мне чем-то поможет.

— Может, поможет, может, нет, — ответил Де Квинси. — Дело твоё. Загабог, разумеется, знает всё на свете. Ты ведь это понимаешь?

— Никогда о нём раньше не слышал.

— И не слышал о его уполномоченном, Снике?

— Никогда.

— Тогда я беру свои слова назад: умом ты не блещешь, — заявил эльф.

— Мне очень жаль, — сказал Чарльз, — но нехорошо притворяться, будто я что-то знаю, если я этого не знаю.

— Твоя правда, — согласился эльф. — Загабог лучшее, остроумнейшее и мудрейшее создание на свете. То, чего он не знает, и знать не стоит. Я могу сделать вот что. Нашим сановникам, философам и учёным мужам позволено привести с собой на пир одного гостя. Если хочешь, можешь сопровождать меня, и я не сомневаюсь, что Загабог, если я договорюсь со Сником, ответит на твой вопрос.

— Спасибо, вы очень добры. Не знаю, как и благодарить вас, уважаемый господин Де Квинси, — сказал Чарльз.

— Быть может, и тебе однажды приведётся оказать мне услугу, — произнёс эльф. — Маловероятно, конечно, ведь мы с тобой вращаемся в разных сферах, но мир полон возможностей, так что — кто знает? Приходи в четверть девятого, потому что в половину девятого прибудет Король. И не опаздывай: Король — сама пунктуальность. Между нами, это единственное его достоинство.

— Я приду, но для меня слишком большая честь ужинать с Королём, Загабогом, Сником и вами.

— Бесспорно, это редкая удача и бесценный опыт для человека, — согласился Де Квинси. — Ты, само собой, не надейся, что тебя встретят как почётного гостя. Гвоздём вечера будет Загабог. Ты приглашён просто как мой знакомый. Но любой мой знакомый вправе рассчитывать на внимание к себе, уж будь уверен.

— Я об этом не смею и мечтать, — признался мальчик. — Мне бы просто посидеть в уголке и понаблюдать. А хотите, я помою посуду.

На это Де Квинси отвечал раздражённо:

— Тебя пригласили в качестве гостя, а не лакея. Так что сделай милость, держись настолько надменно и важно, насколько сумеешь. И, думаю, нет нужды упоминать, что к ужину мы одеваемся.

— Ясное дело, — ответил мальчик, — я тоже.

— Неужто? Вот не подумал бы!

— Всегда, — заверил Чарльз. — И к завтраку, и к обеду.

Де Квинси изумился. Он всегда считал традицию переодеваться к ужину чистой условностью.

— Зачем одеваться к ужину, если не одеваешься к завтраку?

— Верно, — согласился Чарльз.

— Необъяснимо. Надеюсь, — добавил эльф, — на пиру ты не преминешь упомянуть во всеуслышание, что всегда одеваешься к завтраку.

— Конечно, как вам будет угодно, — ответил Чарльз.

— Так ты покажешь, что наделён бесценным даром оригинальности: это добавит тебе важности. Да не забудь: во вторник тебя встретит мой секретарь. Я буду слишком занят: мне ведь ещё предстоит завершить оду. Мой секретарь уменьшит тебя до разумных размеров и проведёт в переднюю. Засим прощай.

— До свидания, сэр, спасибо вам за доброту, — произнёс Чарльз, собрал слёзы эльфа и спрятал в бутон пролески.

Де Квинси прикоснулся к башмаку Чарльза, произнёс волшебное заклинание, и Чарльз вымахал до привычного своего роста — пять футов и один дюйм*. У него захватило дух от такой вышины, а слёзы эльфа в бутоне пролески показались мелкими, точно пыль. Добравшись до фермы, мальчик посадил их в сад и вкопал над ними табличку: «Слёзы мистера Де Квинси».

А потом созвал братьев и сестёр на очередное собрание и рассказал обо всём, что видел и слышал.

Глава 5

ПИР ЭЛЬФОВ

Чарльз рассказал братьям и сёстрам о том, что произошло с ним у Холма эльфов.

— А вот интересно, — сказала Юнити, когда они остались вдвоём, — можно ли мне тоже пойти на пир эльфов.

Чарльз ответил, что её никто не приглашал, но Юнити, похоже, это ничуть не смутило, и Чарльз в конце концов согласился взять с собой любимую сестру.

— А вот интересно, — добавила Юнити, — можно ли Шипу тоже пойти.

На это Чарльз ответил решительным отказом.

— Если захочет, пусть потом проводит нас домой, но на пир ему нельзя.

Итак, во вторник вечером Юнити, Чарльз и Шип тайком отправились к Холму эльфов и прибыли туда ровно в четверть девятого, как велел Де Квинси.

---

* То есть примерно 155 см. 1 фут = 30,48 см, 1 дюйм = 2,54 см.

Секретарь Де Квинси оказался крохотным эльфом средних лет, с довольно-таки унылым выражением лица, какое бывает у тех, кто изо дня в день делает, что велят. Он начертал знак и произнёс заклинание — сперва для Чарльза, который уменьшился до трёх с половиной дюймов, потом для Юнити (она стала ростом два с половиной дюйма), а следом для Шипа: тот немало удивился, обнаружив, что он теперь всего полтора дюйма величиной.

— А вот интересно, можно ли теперь Шипу с нами на пир, — сказала Юнити.

Шип в этом даже не сомневался: он заявил, что пойдёт с ними. Дети поняли его, ведь тот, кто росточком с эльфа, понимает все языки, как понимают их эльфы.

Чарльз спросил секретаря, можно ли Шипу на пир, и тот ответил: он, конечно, решать не вправе, но, поскольку на пирю ожидается множество важных белок, несколько водяных полёвок, кое-какие милые птицы и один ёж, он, секретарь, не видит беды в том, чтобы пригласить ещё одного зверя. С этими словами он повёл за собой трёх членов семьи Джаго.

На каждом цветке пролески у Холма эльфов сидело по светляку, так что гости входили в фойе по аллее огней. Внутри они увидели множество эльфов и прочих существ: они беседовали, дожидаясь, когда пригласят к ужину. Эльфы-мужчины были в костюмах из чёрно-белых цветов фасоли, а эльфы-женщины — в вечерних платьях из разноцветных лепестков.

По фойе бегал взволнованный Де Квинси; заметив Чарльза, он бросился к нему. Увидев, что тот привёл с собой двух незваных гостей, эльф не сумел скрыть своего изумления, но Юнити явно произвела на него большое впечатление: её мгновенно обступили эльфы.

В нарядном платье (вместо обычной домашней одежды) Юнити смотрелась настоящей красавицей: они с Чарльзом

догадались надеть воскресные костюмы. Но мистер Де Квинси не одобрил их вид.

— Так не годится, — заявил он Чарльзу. — Иди-ка со мной. Традиция требует по такому случаю костюм из цветов фасоли. А о твоей сестре позаботятся дамы.

Де Квинси поспешно отвёл Чарльза к себе домой, секретарь подобрал для мальчика подходящий костюм из цветов фасоли, который сел на Чарльза практически как влитой, вот только немного давил под мышками. Эльфийки же переодели Юнити в голубое платье из лепестков вероники, в котором девочка выглядела восхитительно. Шипу костюм не полагался, но с красным бантом на шее он выглядел гораздо наряднее прочих зверей, которые всего-навсего расчесали шерсть, пригладили перья, вымыли лапы — у кого что было.

Наконец ударили в гонг, и гости потянулись в столовую, залитую розовым светом, в котором эльфы выглядели ещё красивее: пожилые казались зрелыми, а зрелые — вновь молодыми. Стол был накрыт на триста тридцать пять персон. Звери устроились за отдельным столом, рядом с общим, чтобы слышать речи и песни. Шип сидел между лаской и куропаткой. Они беседовали о том о сём, стараясь понять точку зрения другого, и рассказали друг другу массу полезного.

Юнити сидела между Чарльзом и Де Квинси, а слева от Чарльза была прекрасная эльфийка по имени леди Годива. Во главе стола восседали Король с Королевой, между ними — почётный гость, Загабог. Король и Королева были уже пожилые, но очень красивые. А Загабог — не просто пожилой, но древний как сама Земля. Он дружил с Духом дождя, Духом горящих гор, Духом грома (с которым мы уже встречались) и прочими могущественными и важными духами. Но он был старше их всех, интереснее и мудрее. Он странствовал по свету, заглядывал в гости то к одним, то к другим (вот как сейчас к эльфам), чтобы чем-то помочь, сделать всех счастливее и: разумнее.

Облачённый в золото Загабог с равным добродушием обращался к великим и малым. Красавцем его нельзя было назвать: разве что бирюзовые глаза его были хороши. Горбатый, с широким и длинным носом. Руки больше смахивают на лапы, хвост какой-то крысиный, но при этом исключительно чистый и аккуратный.

Сник выглядел куда представительнее Загабога, хотя был всего лишь его помощником. На Снике был чёрный костюм, академическая мантия и масса медальонов. Он суетился вокруг Загабога, делал вид, будто у его господина визиты расписаны на годы и годы вперёд, и в целом вёл себя так, что можно было подумать: он и есть та самая знаменитость, а Загабог — неизвестно кто.

На пиру подавали лучшие эльфийские угощения; описывать их я не буду, иначе вы возненавидите собственный ужин. Вам захочется отведать тех волшебных блюд и волшебного вина, которое не туманит голову, а лишь веселит сердце. Так что давайте перейдём к тому моменту, когда все уже наелись — кроме нескольких зверей, которые объелись.

Сник, распорядитель пира, встал, вытер губы салфеткой из розового лепестка и постучал по столу жареной ножкой кузнечика.

Гости одобрительно загудели, и Сник, который очень любил почести (даже если эти почести оказывали ему как помощнику Загабога), поклонился направо, налево и прямо, высокому столу, за которым сидели Король с Королевой.

— Ваши величества, мистер Загабог, леди, джентльмены и звери, сегодня для вас приготовлены разнообразные, красочные, изысканные, великолепные, мелодичные и артистичные развлечения. Первым номером будет ода, сочинённая поэтом-эльфом мистером Де Квинси. Она называется «Мистер Загабог»: в ней вкратце описана жизнь, достижения и благородные привычки вашего почётного гостя.

Собравшиеся загомонили. Загабог улыбнулся добрыми бирюзовыми глазами и поднял бокал в честь мистера Де Квинси. Тот представил публике оду — даже, пожалуй, кантату, а не стихотворение, поскольку исполняли её солист с солисткой и хор. Певицу-сопрано звали мадам Мелба, и голос её напоминал щебетание ласточек, когда те ловят мошек для птенцов. Певца звали сэр Чарльз Сэнтли, и когда он брал высокие ноты, казалось, будто пчела гудит в цветке примулы — правда, сэр Чарльз всё же гудел несколько душевнее пчелы.

Законы об авторском праве мешают мне поделиться с вами музыкой, текстом и прочим, но поверьте мне на слово: эта дивная песня о жизни Загабога всем очень понравилась, в том числе и самому Загабогу. Он подозвал к себе Де Квинси, похлопал по спине и пожал ему руку. Потом по очереди похвалил солистов, оркестр и хор. Слушатели единодушно согласились, что это лучшая песня из всех произведений Де Квинси. Он так разволновался, что Чарльз испугался, как бы тот опять не расплакался, но вскоре поэт успокоился, раскланялся, вернулся на своё место и залпом выпил целую ореховую скорлупку старого сухого черничного вина (урожая 1862 года). После этого эльф окончательно пришёл в себя и изготовился критиковать следующих выступавших.

Сник объявил, что сейчас Ганс Христиан Андерсен расскажет историю. Встал пожилой эльф, которого в этом мире звали именем самого знаменитого сказочника, дождался, пока смолкнут аплодисменты, откашлялся, сунул в рот леденец из медвяной росы, чтобы смягчить связки, после чего с лёгкостью и апломбом опытного рассказчика принялся читать сказку «Старушка и тюльпаны».

— Во времена прадедушки вашего величества эльфы теснее общались с людьми, чем сейчас. Но сотню лет назад смертные начали озлобляться, и год от года становятся только хуже...

Тут Чарльз, к своему ужасу, услышал звонкий голосок Юнити:

— Не могли бы вы говорить проще? А то я ничего не понимаю.

Эльфы возмущённо зашикали на девочку, Сник воскликнул: «Соблюдайте порядок!», Де Квинси рассердился, что гостя осмелилась перебить рассказчика. Чарльз приготовился смиренно извиниться за сестру, ссылаясь на её малолетство, но Андерсен ответил:

— Ты совершенно права. Я признаю свою ошибку. Тот, кто в сказке

про эльфов использует слова длиннее трёх слов, попросту не ведает, что творит. Такого больше не повторится.

И он продолжил в простых, но изысканных выражениях рассказ о старушке, которая во времена прадедушки нынешнего Короля выращивала в своём саду чудесные тюльпаны, поскольку знала, что эльфы обожают тюльпаны. Эльфы были так ей благодарны, что взбивали для неё масло, убирали дом, ухаживали за пчёлами — словом, делали всю работу, которую обычно эльфы выполняют для смертных (разумеется, если те не против). За это весной эльфы получали в своё полное распоряжение бутоны тюльпанов. Цветение тюльпанов — настоящий праздник для эльфов: лучшей колыбельки, чем бутоны тюльпанов, для их малышей нельзя и желать. Днём, когда цветы раскрывались, мамы-эльфийки клали детишек на тёплые лепестки и нежно качали стебли. Вечером лепестки смыкались, и никакой проходимец, паук или пчела, не пробрался бы внутрь и не напугал бы малышей, а когда шёл дождь, в цветке было тепло и сухо.

К несчастью, старушка умерла. Её дом достался препротивному юнцу, который повыдёргивал все тюльпаны, выбросил в реку, а вместо них посеял репу. Эльфы так разозлились, что губили урожай за урожаем. Ничего у него не росло. А тюльпаны юнец не сажал, хотя это было единственное, чему эльфы позволили бы вырасти.

— Кончается сказка тем, что мы (он сказал «мы», поскольку эльф по имени Ганс Христиан Андерсен был непосредственным участником событий) в память о доброй старушке ухаживали за её могилой. На ней никогда не было ни сорнячка, ни кротовьей ямки. Трава на холмике всегда была аккуратно подстрижена, а из цветов мы позволяли расти на могиле лишь белым фиалкам. Тут моей простой сказке и конец.

Старый эльф поклонился и сел за стол.

— История славная, но уж очень печальная для пира, — заметил Король.

А вот Загабогу сказка очень понравилась. Он похвалил слог Ганса Христиана Андерсена, выпил с ним вина и выразил надежду, что рассказ не слишком его утомил.

К всеобщему облегчению, Сник объявил, что первая часть увеселительной программы завершена, перед второй частью будет антракт, и в эти четверть часа гостям подадут закуски и напитки.

После антракта последовал танец трёхсот пятидесяти эльфов, которые выходили группами по полусотне. Первая была в изумрудах, блестевших, точно лучи зари на листьях берёз у весенней опушки. Вторая вышла в сапфирах, сиявших, словно морская лазурь на солнце. Третьи надели топазы, светившиеся, будто сотовый мёд. Четвёртые были в рубинах, сверкавших, как винноцветные водоросли, которые ласкает прибой. Пятые — в огненных опалах, ярких, словно грудка зимородка. Шестые щеголяли в сардониксах, нежных, как краски заката.

Седьмые надели бриллианты, ослепительные, точно молния и льдистое пламя недвижных звёзд.

Танцоры вертелись, кружились, поворачивались, прыгали, резвились, наклонялись и вскакивали снова, сходились и расходились, составляли новые фигуры, так что в конце концов у Чарльза и Юнити зарябило в глазах от этого многоцветья. Через час величественный балет драгоценных камней завершился, замер медленный гулкий аккомпанемент десяти басовых лягушек, квакавших в ритм и в такт, танцоры снова разделились на группы, группы образовали буквы, а те сложились в слово «ЗАГАБОГ».

Загабог сказал, что за всю свою жизнь не видел танца прелестнее и лишь с десятка таких, которые более-мнее могли с ним сравниться. Он поблагодарил танцоров, двух балетмейстеров (эльфийку и эльфа), художницу, придумавшую костюмы, тех, кто их смастерил, и вообще всех причастных.

А потом приключилось нечто, сперва показавшееся весьма печальным, но в конце концов обернувшееся удачей. К Снику подошли эльфы и что-то ему прошептали, грустно качая головой. Сник поднялся и объявил:

— Ваши величества, мистер Загабог, леди, джентльмены и звери, к моему глубокому сожалению, следующий номер, который должен был завершить нашу увеселительную программу, состояться не может. Знаменитый дрессировщик насекомых фон Гумбольдт надеялся представить нашему вниманию своих учёных гусениц, однако вследствие непредвиденного вмешательства природы его талантливые артисты этой ночью окуклились, и пока не превратятся в бабочек, чего вряд ли стоит ждать в ближайшее время, не смогут дать представление. Он сожалеет, что принёс вам вполне понятное разочарование, но, по его меткому замечанию, «тут уж ничего не поделаешь».

Публика печально загудела, а одна юная эльфийка даже расплакалась. Но тут Загабог поманил к себе Сника, и чуть погодя тот снова обратился к собравшимся:

— С удовольствием сообщаю вам, что вместо выступления гусениц сам господин Загабог великодушно согласился поведать нам историю.

Гости возликовали. Загабог задумчиво моргнул и начал рассказ.

Глава 6

ЗАГАБОГ РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ

— Я расскажу вам подлинную историю о зайце и черепахе, — начал Загабог. — Догадываюсь, что вы ответите: «А мы её уже знаем». Но это не так. Впрочем, порой ошибаются даже самые юные: я вас прощаю. Ведь подлинная история отличается от той, которую слышали вы, и у неё совсем другая мораль. Если же вы скажете, что не хотите слушать историю с моралью, что ж, простите меня в этот раз, я довольно-таки старомоден, и в дни моей молодости у всех историй была мораль. Но вы, как дослушаете, можете тут же выбросить её из головы. Хотя эту мораль нельзя назвать неприятной: она мухи не обидит.

Для начала я прошу вас подумать о точках. Точки бывают на карте, в конце предложений и много где ещё. Но для нас важнее всего следующие две точки: одна у нас всех есть, а другая непременно должна быть. Та, что есть у нас всех, — точка в глазу, именуемая зрачком, та, которая у нас должна быть, — точка зрения. Точка зрения — самая важная из всех точек: во-первых, она должна быть у каждого своя, а во-вторых, к чужой точке зрения следует относиться деликатно, поскольку точка зрения — вещь деликатная.

Эта чудесная мысль подводит меня к подлинной истории зайца и черепахи. Заяц был общительным, весёлым и жизнерадостным. Он не считал свои способности чем-то из ряда вон, понимая, что есть на свете те, кто и ловчее, и умнее. У него было отличное чувство юмора, свойственное скромным натурам, и он любил шутить. Ещё у него было доброе сердце, он с симпатией относился ко всем, но более всего — к черепахе. Он всегда подбадривал черепаху, подмечал её достоинства, восхищался узором на её панцире и так далее. Даже в самый разгар веселья он всегда находил полчаса, чтобы побеседовать с ней, натереть ей панцирь полиролью или принести что-нибудь вкусное, что росло далеко, там, куда черепаха не доползла бы.

А вот черепаха, к сожалению, ни к кому не питала симпатии. Она вообще была скверно воспитана. Не могла похвастаться широтой взглядов, всем завидовала, во всех дела худшее, а не лучшее. Свои достоинства черепаха умело скрывала, щеголяя глупыми выходками и повадками. Черепаха многое понимала ошибочно и отличалась дурными манерами. Но самой большой её ошибкой была вера в то, что она непревзойдённая бегунья. Разумеется, бегать она не умела вовсе. Заяви черепаха, что спит дольше всех, никто не стал бы спорить, потому что она могла проспать и полгода, спрятав голову в панцирь. Удивительное качество, что ни говори, и она могла по праву этим гордиться. Но черепаха, как часто бывает, с презрением относилась к имеющимся у неё достоинствам, утверждая, будто бы её талант заключается в другом (чего на деле не было вовсе): она словно и не замечала, что умеет спать как никто, зато хвалилась, что ползает со скоростью ярд в час и если разгонится хорошенько, то ни лисице, ни зайцу, ни антилопе, ни борзой нипочём её не обойти.

Надо заметить, черепаха и сама в это верила. Когда она, переваливаясь с лапы на лапу, ползла куда-то еле-еле,

точно минутная стрелка старинных часов, ей казалось, будто она несётся со страшной скоростью. Ей частенько случалось обогнать слизня или улитку, и черепаха уверяла, будто мчится быстрее автомобиля, а когда её за такие слова поднимали на смех, думала, что ей завидуют, хмурилась, прятала голову в панцирь и не показывалась, пока собеседник не переменит тему или не извинится перед ней.

Однажды заяц с друзьями заговорили об этой глупой её привычке. Заяц по доброте своей заступился за черепаху:

— Умоляю, не рушьте её иллюзий, — сказал он. — Сами подумайте, что у неё за жизнь: никакой радости, одни беды да неудачи. Образования она не получила. Мир не посмотрела: видела от силы ярдов десять. Ничего не читает, ни о чём не думает. Музыку не любит, в театрах не бывает. Живописью не интересуется, все друзья и подруги такие же мелкодушные и твердолобые, как она сама. Влачит пустое, унылое существование, причём влачит в прямом смысле. Единственный луч света — нелепая вера в то, что она непревзойдённая бегунья. Так не смейтесь же над ней из-за этого. Нехорошо. Пусть думает, что бегаёт быстрее всех. От нас не убудет, а ей приятно. Если черепаха поймёт, что она едва ли не самое медленное и едва ли не самое скучное создание на свете, то перестанет себя уважать, и её скучная, мрачная, тошная жизнь станет ещё скучнее, мрачнее и тошнее.

Одни согласились с зайцем, другие нет, но слухи об этом разговоре дошли до черепахи, и она рассвирепела. Жалость такого беззаботного и общительного существа, как заяц, уязвила её нестерпимо, хотя черепаха — зверь довольно-таки толстокожий. Черепаха вспыхнула и, не раздумывая, дала объявление в спортивные газеты, в котором вызывала зайца пробежать с нею наперегонки три мили. Каждому участнику положена гроздь бананов, и победитель получит обе — вдобавок к званию чемпиона по бегу среди зверей.

— Что ж, — сказала лиса зайцу, — теперь дело за тобой. Надеюсь, ты покажешь ей наконец, что она старая дура. Дай ей хоть две мили и ещё тысячу семьсот пятьдесят ярдов* форы — всё равно ты её обгонишь. Я желаю тебе получить обе грозди бананов: ты обязан её победить.

Заяц принял вызов. Притворился, будто приступил к тренировкам и изо всех сил готовится к состязанию. Но в своём большом добром сердце решил, что отдаст победу черепахе.

— Видишь ли, — объяснил он жене, — если бедная старушка первой приползёт к финишу, это станет для неё настоящим праздником. Она будет помнить об этом до конца своих дней, а ты же знаешь, черепахи живут долго. Эта победа озарит её будущее, ей ещё сто лет будет чем хвастаться и о чём рассказывать детям.

---

* В 1 миле 1760 ярдов, то есть фактически лиса говорит, что заяц может дать черепахе почти три мили форы.

Жена зайца не согласилась с его доводами. Чувства юмора у неё не было, зато было много здравого смысла, а потому она сочла глупостью потерять две связки бананов из-за каких-то там сантиментов. Но заяц стоял на своём. Он предупредил друзей, чтобы не делали на него ставки, потому что он из всех сил постарается проиграть.

Черепаша тоже начала тренироваться. Недельку питалась одним только клевером и привела себя в отличную форму. Попросила подружку засесть время, убедилась, что запросто проползает десять ярдов за пять минут, и решила, что победа обязательно будет за ней.

Посмотреть великое состязание собрались все звери; с этого момента моя история повторяет ту, что вы слышали. Но теперь вы смотрите на неё с другой точки зрения, а значит, поймёте её лучше, чем до сих пор.

Заяц делал вид, будто у него масса времени, гулял, общался с друзьями, сгрыз одуванчик, даже ввязался в спор о том, кто бежит быстрее, кролики или гончие. Потом сел, прочёл газету, посетил лекцию по севообороту, принял ванну, с удовольствием отобедал и снова принял ванну.

Черепаша же топала вперёд со скоростью немногим более ста ярдов в час. Она знала, что заяц позади, тем и довольствовалась: коль скоро соперник твой отстаёт, значит, не победит. Черепаша не смотрела ни вправо, ни влево, днём и ночью упорно ползла вперёд. Раз в полчаса друзья подкармливали её листьями горчицы и кресс-салата.

Заяц же отправился на выходные к родственникам на другой конец Англии. Время от времени лиса сообщала ему об успехах черепахи. Заяц постригся, сходил снять мерку на три новых костюма, отпраздновал день рождения, писал в дневник, председательствовал на заседании по вопросу запрета варёной репы и желе из красной смородины и, наконец, в одно прекрасное утро явился на старт.

К нему подбежала лиса, объяснила, что черепахе осталось пятьдесят ярдов до финиша, заяц поболтал с друзьями, переоделся в спортивное трико и шиповки, расцеловал жену и детей, загадал им загадку-другую, пару раз сыграл с дочерями в теннис и наконец стартовал. Бежал он еле-еле, изо всех сил прикидывался хромым, и черепахе удалось опередить его на целый корпус. Разумеется, на корпус черепахи, а не зайца.

После финиша черепаха лишилась чувств и очнулась, лишь когда ей на ухо заиграли «Вот идёт герой-победитель»*. Она, конечно, обрадовалась, но ни капли не удивилась победе. Тем и кончилась история о зайце и черепахе.

Хвалебные крики, аплодисменты и оживлённую болтовню эльфов пререзал звонкий голосок Юнити.

— А вот интересно, что было потом, — сказала она.

— Ничего потом не было, это конец истории, — ответил Де Квинси, но Загабог, отличавшийся острым слухом, расслышал вопрос и был польщён.

— Сразу видно человека, — заметил он, — меня сроду никто не спрашивал, что было потом. Как по мне, отличный вопрос, и я с удовольствием на него отвечу.

— Тише! Тише! Слушайте мистера Загабога! — воскликнул Сник, и Загабог продолжал:

— После того как черепаха выиграла состязания и отдышалась, на что ей потребовалась неделя, она принялась хвастаться и кичиться удивительной победой. Ей и в голову не пришло, что заяц по доброте душевной позволил ей выиграть. И уж так она важничала, так бахвалилась, что лиса, видя, какая черепаха глупая и неблагодарная, решила воспользоваться этим и вызвала её побегать наперегонки:

---

* «Вот идёт герой-победитель» — отрывок из оратории Георга Фридриха Генделя «Иуда Маккавей».

приз — пять фунтов каждому и обед с шампанским. К радости лисы, черепаха мигом согласилась.

— Если уж я обогнала зайца, то обгоню и лису, — надменно заявила она. — С тем же успехом лиса может отдать мне пять фунтов, угостить обедом с шампанским, и дело с концом.

Мы с вами уже знаем, почему заяц позволил черепахе выиграть состязания, но у лисы была иная, куда более обыкновенная точка зрения. Она старалась извлекать как можно больше выгоды из всех и вся. Её ничуть не заботили чужие чувства. В душе лисы не было ни поэзии, ни благородства. Она не отличалась добротой — лишь хитростью и сметливостью. Едва прозвучал сигнал «марш!», лиса помчалась вперёд, так что перед глазами черепахи мелькнула рыжая полоска с белым пятнышком на хвосте, как фонарь на последнем вагоне поезда. Не успела черепаха тронуться с места, как ей сообщили, что состязание окончено, ей надобно идти домой и заказывать обед с шампанским, поскольку лиса победила. Так-то вот: девочка спросила, что было потом — и выяснилось, что об этом стоит узнать.

Загабог улыбнулся Юнити, она улыбнулась в ответ, и эльфы принялись бурно восхищаться ею: оказывается, она не только красавица, но и умница!

Гости зашептались, что сейчас должны подавать мороженое, но тут Сник, который, несмотря на толику тщеславия, отличался добросовестностью, подскочил к Загабогу и прошептал ему на ухо:

— Прошу прощения, вы забыли мораль.

Загабог чуть-чуть опечалился, что помощник вынужден был напомнить ему о морали, но Сник был прав. Загабог попросил тишины и разъяснил собравшимся мораль этой истории:

— Мораль, разумеется, в том, что, прежде чем кого-то критиковать, нужно понять его точку зрения. В историях полно

глупостей, зла, неправды, а всё почему? Потому что те, кто их писал, зачастую не потрудились увидеть или прочувствовать точку зрения другого. Вот и нашего славного дружелюбного зайца веками не понимали, да и черепаху тоже. О них написали ложь, поскольку не знали о точках зрения. Если хотите, чтобы вас поняли, всегда старайтесь выяснить точку зрения собеседника и изложить ему свою.

Боюсь, к этой морали никто толком не прислушался, кроме Чарльза, Де Квинси и Короля эльфов. Да и они мигом о ней забыли, едва слуги подали мороженое.

Глава 7

ДВЕ ИСТОРИИ, РАДОСТНАЯ И ПЕЧАЛЬНАЯ

После мороженого Шип, которого оно совершенно не интересовало, подошёл к Юнити, вцепился в платье из лепестков и, к сожалению, сильно его порвал. Но час был поздний, и пёс, в отличие от детей, помнил об этом. Чарльз спросил Де Квинси, позволяют ли ему задать вопрос Загабогу. Де Квинси уточнил у Сника, Сник у Загабога, и тот отвечал:

— С удовольствием отвечу.

Чарльз подошёл к главному столу, поклонился учтиво Королю, Королеве, Загабогу и рассказал, как изменился отец. Мальчик объяснил, что они с братьями и сёстрами решили сделать отцу подарок, и попросил Загабога оказать им любезность и посоветовать, что бы такого подарить.

— Как зовут твоего отца? — спросил Загабог.

— Билли Джаго, сэр.

— Посмотри Уильяма Джаго, — велел Загабог Снику.

Сник поклонился, встал и поспешил к стопке ярко-красных книг в углу зала.

— Сник справится о твоём отце в моих книгах «Кто есть кто», — пояснил Загабог. — Мне говорили, что человеческое издание с таким же названием, к сожалению, не отличается полнотой. Дескать, туда включают лишь тех, кто чего-то добился. Но это не оправдание. Каждый из нас чего-то добился, и с этим никак не поспоришь.

Сник взял книгу с литерой «Д», отыскал Билли Джаго и принёс Загабогу. Тот прочёл жизнеописание Билли и грустно покачал головой:

— Ох уж этот мой друг-негодник, Дух грома, до чего ж он горяч! А Фам-то с Фаттом каковы, подумать только... — Загабог осёкся. Никто не понял, о чём он говорил: все молча ждали, что будет дальше. Наконец Загабог захлопнул книгу и отдал её Снику.

— Подарками тут не поможешь, — сказал Загабог Чарльзу. — Наоборот. Ему не давать нужно, а кое-что у него забрать.

— Вот те на́, — огорчился Чарльз. — То-то он разозлится. У него теперь снега зимой не выпросишь.

— Он и не должен об этом знать, — пояснил Загабог. — В старой жилетке твоего отца, которая висит на гвозде в сарае на ферме Меррипит, лежит Каменное сердце. Выкиньте его, и всё наладится.

— Большое вам спасибо, сэ, — поблагодарил Чарльз. — Мы с сестрой вечные ваши должники. Позвольте пожелать вам доброй ночи, и, если мы можем быть хоть чем-то полезны эльфам, надеюсь, они не преминут нам об этом сообщить.

— Молодец! — воскликнул Король.

— Замечательные слова, — добавила Королева.

Эльфийки повели Юнити переодеваться, но тут она сказала:

— А вот интересно, можно ли поцеловать мистера Загабога?

Сник явно был ошарашен.

— Тише ты! — рявкнул он. — Я очень надеюсь, что он тебя не услышал! Загабог никогда никого не целует, его же дозволено целовать только самым великим людям, да и то — лишь кончик его мизинца.

Но добрый старый Загабог слышал слова Юнити.

— Поди сюда, дитя, — сказал он, — и поцелуй меня.

Юнити подошла к Загабогу, он подхватил её на руки и поцеловал. Девочка посмотрела в его бирюзовые глаза, похожие на диковинные телескопы, и разом увидела в них прошлое, настоящее и будущее.

Увиденного она толком не поняла, но даже та малость, которую ей удалось постичь, сделала Юнити, когда она выросла, самой умной девушкой в Дартмуре.

Великий вечер подошёл к концу. Де Квинси сердечно распрощался с Юнити, Чарльзом и Шипом, его секретарь вывел их из Холма эльфов, произнёс заклинание, и дети, вернув свой привычный рост, отправились домой при свете луны и звёзд.

В лесу было красиво, но так холодно, тихо и одиноко, что по пути на ферму Меррипит дети порядком приуныли. Чарльз раз-другой попытался завести весёлую беседу, но в горле у него стоял ком. Да и у Юнити с Шипом тоже, хотя, между нами говоря, сдаётся мне, к горлу Шипа подступал не ком, а еда, поскольку за ужином он угощался на славу.

Заухала сова, и крики её навевали такую жуткую печаль, что Юнити не выдержала и расплакалась.

— И-и-и-и-интересно, — выикнула она, — можем ли мы вернуться и спросить доброго Загабога, не позволит ли он нам жить с ним, а не с отцом.

Превозмогая уныние, Чарльз попытался утешить сестру. Он и сам не понимал, отчего им вдруг стало грустно, хотя эта грусть вполне естественна и объяснима. После весёлого

праздника девять человек из десяти грустят, особенно если знают, что такое веселье уже никогда не повторится.

Но им предстояла встреча с тем, кому ещё грустнее, чем им. Когда они проходили мимо соседской фермы, Шип ринулся к изгороди и сердито залаял.

— Пощадите! — воскликнул кто-то. — Умоляю, не надо меня дырывать, во мне и так достаточно дыр, ещё одной я просто не выдержу!

Голос был одышливый, с присвистом: так имбирное пиво с шипением бьёт из бутылки.

— Ко мне! — скомандовал Чарльз Шипу.

Они с Юнити подошли к изгороди и обнаружили там невероятно странный и неожиданный предмет, причём в состоянии самом плачевном. Предмет был продолговатый, светло-серый, с ручками-ножками, тонкими, как соломинки, и носиком-крышечкой, вкрученным в унылое лицо. Этот круглый медный носик блестел в лунном свете. Существо приподнялось на одной ручке, и дети разглядели уродливую дыру в его боку.

— Кто вы? — спросил Чарльз.

Диковинный предмет сел.

— Попросту говоря, — начал он, — я каучуковая грелка. Меня сделали в Германии и продали в Лондоне пожилой леди, у которой мёрзли ноги. Я всегда ложилась с нею в постель и грела ей подошвы. В прошлом году она поехала в Дартмур, жила вон на той ферме. Каким образом она умудрилась меня позабыть, я понятия не имею. Не иначе как спятила. Во всяком случае, моей вины тут нет. Я тогда была в прекрасной рабочей форме.

Грелка вздохнула и продолжала:

— Жена фермера оценила мои достоинства. И даже сам фермер в холодные ночи не чурался моего общества. Я всегда ложилась с ними в кровать. Детей у них нет, так что, можно сказать, они удочерили меня. Но у меня было слабое место: оно-то меня и погубило. В ту роковую ночь (несомненно, самую холодную за весь год) меня наполнили водой горячее и больше обычного, и я лопнула. Я лопнула! Я и рада была бы предупредить их, да не успела. Едва они уснули, как сквозь ужасную прореху в моём боку в постель хлынула вода от силы на градус прохладнее кипятка.

Ошпаренный фермер вскочил с кровати и со словами, которые я не намерена повторять, схватил меня за горло, распахнул окно и вышвырнул меня на двадцатиградусный мороз. Никто не пришёл ко мне на подмогу. Теперь я живу здесь (если можно назвать это жизнью), меня грызут мыши, клюют птицы, дырявят колючки. Умоляю, если у вас есть сердце, отнесите меня обратно к людям.

И несчастная, привстав, тут же рухнула перед детьми на колени. Шип тянул Юнити за подол — пойдём, пойдём, — но у неё было доброе сердце.

— А вот интересно, — сказала девочка, — сумеем ли мы вас починить.

— Ну хоть попробуйте, — взмолилась грелка, — пожалуйста.

— Тогда идёте с нами, — предложил Чарльз, и грелка, благодарно булькнув, собралась с силами и прыгнула мальчику на руки — правда, вскоре посетовала, что так сидеть неудобно. Чарльз сложил беднягу пополам, спрятал в карман, и они с Юнити припустили домой.

Во дворе их дожидались отец и Джон. Мистер Джаго надрал Чарльзу уши, так что те сделались совершенно малиновыми, потом распахнул дверь конюшни и втолкнул его внутрь. Затем, к сожалению, он выпорол Юнити и тоже швырнул её в конюшню. Он сообщил, что ни завтрака, ни обеда, ни чая им не дадут, и запер дверь на замок. Джон сильным пинком отправил Шипа в конуру, после чего отец с сыном вернулись в дом и легли спать. Встревоженной жене Билли Джаго сказал, что дети пришли и он запер их на конюшне.

Чарльза и Юнити расстроил такой суровый приём, но не сильно, поскольку теперь они понимали, что к чему.

— Завтра, — сказал Чарльз, — мы достанем Каменное сердце из отцовской жилетки. И как только мы избавимся от него, дело пойдёт на лад. — И они с Юнити заснули, положив головы на живот старой ломовой лошади. Что же до несчастной грелки, то её согревало тепло Чарльза, напоминая ей о былых хороших деньках.

— Тепло, тепло, нет ничего приятнее тепла, — пробормотала грелка и тоже заснула. Снилось ей славное и счастливое прошлое, которым она могла гордиться: ведь тогда её купили за семь шиллингов и шесть пенсов, и она радовала и согревала пожилую леди.

На следующий день миссис Джаго уговорила мужа разрешить Чарльзу и Юнити пообедать: ведь они и так остались без завтрака. Взрослые, в том числе и Джон, не поверили ни слову из того, что рассказал им Чарльз, хотя он говорил чистую правду. Разумеется, он умолчал об амулете в отцовской

жилетке. Чарльз собрал братьев и сестёр, объяснил им, что нужно делать, и познакомил их с грелкой.

Когда все разошлись, Чарльз отправился искать старую жилетку и вскоре её нашёл. Сунув руку в карман, он, к своей радости, нащупал холодный камушек. Мальчик достал его из кармана: сомнений быть не могло, это Каменное сердце, — после чего положил его к себе в карман.

Разумеется, Чарльз помнил, как коварен амулет. Ему казалось, будто в кармане у него динамит или другая взрывчатка. Но забрать у отца Каменное сердце — это одно, а вот избавиться от него — уже другое. Он решил посоветоваться с Юнити, отправился её искать и нашёл на берегу реки: сестра кормила уток.

— А ну иди сюда, да побыстрее! — крикнул Чарльз. Юнити удивилась его резкости, но подошла.

— Чего вылупилась? — спросил Чарльз. — Слушай меня и помалкивай, если не можешь сказать ничего путного. У меня в кармане Каменное сердце. Что мне с ним делать?

— А вот интересно... — начала Юнити, но Чарльз раздражённо схватил сестрёнку за плечи и хорошенько встряхнул, что было совершенно на него не похоже. Случившийся рядом Шип не мог смириться с такой грубостью: он подбежал к Чарльзу, оскалил зубы и зарычал.

— Ах ты, псина! — Чарльз подобрал с земли булыжник, чтобы швырнуть в Шипа.

— Выброси ты его от греха подальше, пока он тебя окончательно не испортил, — встряла Юнити.

С трудом преодолевая злые чары, Чарльз вытащил из кармана амулет и кинул его что было сил. Амулет чиркнул по воде и, поскольку камешек был плоский, несколько раз подпрыгнул на речной глади и упал в камыши на другом берегу.

— И дело с концом! — воскликнул Чарльз. — Амулета больше нет, и он никому уже не причинит горя. Прости меня, Юнити. И ты прости, Шип. Какая же страшная штука это Каменное сердце.

— А вот интересно, — ответила Юнити, — каким бы ты стал, если оставил бы его у себя.

— Наверное, озлился бы окончательно.

— А вот интересно, какой бы стала грелка, если бы у неё был такой амулет.

— Этого я не знаю, — сказал Чарльз, — ей лучше без него. Хотя бедняжка так удручена, что, быть может, амулет и помог бы.

— А вот интересно, как повёл бы себя Де Квинси.

— Наверное, зазнался бы. Принялся бы всеми командовать и навлёк бы на себя гнев Короля и Королевы.

— А вот интересно, каким бы стал Сник.

— Сник и без амулета важничает, — ответил Чарльз. — Не удивлюсь, если у него уже есть Каменное сердце.

— А вот интересно, каким бы стал Загабог.

— Вот уж кого амулет едва ли изменил бы, — заявил Чарльз. — Даже если бы у него на шее висело ожерелье из кремнёвых сердец, он и то не ожесточился бы.

Тут на берег вышел Билли Джаго. Юнити хотела было улизнуть (дети теперь избегали встречаться с отцом), но Чарльз взял её за руку.

— Не уходи, — попросил он. — Доверься Загабогу. Если он прав, отец снова подобрает, как раньше: ведь амулета у него нет. — Чарльз кликнул Шипа, который уполз под изгородь, и все трое отважно пошли навстречу хозяину фермы Меррипит.

Билли Джаго сразу же подхватил Юнити на руки, потёрся щекой, заросшей рыжеватою щетиной, о её щёчку и поцеловал. Последний раз девочку целовал Загабог; она посмотрела отцу в глаза и увидела не телескопы, показывающие прошлое, настоящее и будущее, а прежнего добряка-отца, который глядел на неё с нежностью.

— Ну что, красавица моя, овечка моя миленькая, вышла меня встречать? Идём домой ужинать? Устала, небось, так я тебя понесу.

И с Юнити на руках Билли Джаго пошёл домой, а за ним Чарльз и Шип.

Завидев возвращающегося мужа, миссис Джаго крикнула Мэри:

— Глазам своим не верю! Неужто отец несёт Юнити на руках? Вот так диво, клянусь Гаем Фоксом!

— Да, отец несёт Юнити, да ещё, кажется, шутит: Чарльз улыбается до ушей и хохочет.

Ужин был ещё не готов, но Билли Джаго ничуть не рассердился. Домашние таранились на него, точно на чужака,

но правда была в том, что чужак наконец-то исчез, а вместо него вернулся прежний Билли, добряк и весельчак.

Не радовался разве что Джон (я ведь уже говорил, что он был взрослый, не так ли?): с тех пор как Билли нашёл Каменное сердце, дела их пошли в гору. Единственная радость — Билли успел скопить в банке немалую сумму, но миссис Джаго рассудила так, что деньги, конечно, вещь важная, но добросердечный муж куда важнее.

Билли совершенно переменился. Перестал обманывать соседей, попросил прощения у всех, с кем обошёлся дурно или грубо. Зарабатывал он теперь не в пример меньше, зато друзей у него прибавилось. Неизвестно, что думал о случившемся сам Билли, но не было никакого сомнения в том, что именно думали дети и миссис Джаго. Деньги их не особенно волновали: они были счастливы, что вместо ворчливого чудища видят прежнего главу семейства.

Лишь одно событие омрачило радость, но знали о нём только Юнити с Чарльзом. Речь о грелке и о том, как дети её чинили.

Грелка попросила Чарльза отправить её обратно в Германию.

— Я вовсе не хочу сказать, Чарльз, что ты не сумеешь починить меня как следует. Я всецело доверяю вам с Юнити. Но у меня много ран, невидимых глазу. Случай сложный, и чтобы я полностью восстановилась и приносила пользу, нужен самый умелый мастер.

— Послать вас в Германию никак невозможно, — ответил Чарльз. — Я даже не знаю, где находится та Германия. Мы сделаем для вас всё, что в наших силах. Большого мы сделать не в состоянии.

— Так делайте. — Грелка хрипло вздохнула.

Они попытались залепить дыру пластырем, потом липкой бумагой для почтовых марок, жвачкой, клеем и даже горячим

сургучом: грелка ужасно мучилась, но не уронила ни слезинки. Однако, как дети ни бились, прореха становилась только шире, и в конце концов грелка взмолилась: «Хватит надо мной мудровать».

— Я больше не выдержу, — добавила она. — Повесьте меня на гвоздь, дайте упокоиться с миром. Ступайте своей дорогой, живите счастливо, а обо мне покуда забудьте.

Чарльз и Юнити сделали, как велела им грелка, но не забыли о ней, и, как оказалось, к лучшему: если вы думаете, что от дырявой грелки мало проку, то вы очень ошибаетесь. Я ни за что не упомянул бы о ней, если бы собирался навеки оставить её висеть на гвозде в тёмном углу конюшни.

Но пусть пока повисит там ещё немного, а Каменное сердце пусть полежит в болоте у речки. Я обещаю вам одно: грелка и Каменное сердце встретятся раньше, чем вы или они успеют состариться.

ВТОРОЙ ВИЗИТ К ХОЛМУ ЭЛЬФОВ

Глава 8

Месяца через полтора после исцеления Билли Джаго Чарльз решил вновь навестить Холм эльфов. Он не надеялся увидеть эльфов, однако ему хотелось встретиться с Де Квинси и рассказать, как чудесно подействовал совет Загабога. Чарльз написал премилое письмо, адресованное «мистеру Де Квинси, поэту, эсквайру», и понёс его к Холму в надежде, что кто-нибудь найдёт письмо и передаст Де Квинси.

Стоял август, пролеска давно отцвела, настал черёд наперстянки. Возле холма Чарльз увидел не кого иного, как самого Де Квинси, который примерял шляпу из цветка наперстянки.

— А я вам письмо принёс, — сказал Чарльз.

— Мог бы принести и пораньше, — ответил Де Квинси. — Ну да, впрочем, лучше поздно, чем никогда. Я последний, кто станет ждать благодарности от мальчишки. Но если тебя ещё когда-нибудь пригласят на ужин, не забудь послать благодарственное письмо в течение недели.

— Так и сделаю, и прошу меня извинить, — смиренно произнёс Чарльз. — Я не знал.

— Лучше не скажешь, и я дивлюсь, что ты это сказал. Обычно люди досаждают на свои ошибки, мало кому хватает такта извиниться.

— Надеюсь, музыка английской прозы не утихла, — вежливо сказал Чарльз.

— Даже не упоминай, — ответил эльф. — Древнее пламя ещё не погасло, но ему не хватает свежего топлива, если ты понимаешь, о чём я.

Чарльз не понял и переменял тему.

— Наверняка вам будет приятно узнать, что отец мой совершенно поправился.

— Тебя хочет видеть Король, — ответил Де Квинси, не обнаружив ни малейшего интереса к судьбе Билли Джаго.

— Король?

— Да, — подтвердил Де Квинси. — Долгая история, но с моим даром слова я постараюсь её рассказать. Обрати внимание, как гармонично одно предложение следует за другим.

— Я постараюсь, если мне хватит ума, — пообещал Чарльз.

— Одним словом, когда ты зашвырнул Каменное сердце, оно упало в асфодели на другом берегу реки. В тот вечер неподалёку случился хобгоблин по имени Марш Галлопер: наткнувшись на Каменное сердце, он со смекалкой, свойственной всем представителям его вида, догадался о волшебных свойствах амулета, присвоил его и с его помощью вознёсся на неслыханную высоту. Он повёл легионы хобгоблинов войной на Страну эльфов, поднял бунт против правящей династии, открыто насмеялся над Королём и Королевою, бросил им вызов, его трубы призывали к революции, а на стягах его был начертан позорный призыв: «Долой вето». Даже королевская стража из числа хобгоблинов готова взбунтоваться.

— Мне очень жаль, что у вас такая беда, — сказал Чарльз.

— Мы уже трижды сходились в битве с хобгоблинами, и бессмысленно притворяться, будто мы одержали победу, — продолжал Де Квинси. — Месяц назад Марша Галлопера никто знать не знал, теперь же, с помощью Сердца и своего друга, Огнедышащего Дракона, этот сквернавец чинит нам обиды. Надобно что-то делать. Вот Король и велел послать за тобой. Хочет тебя видеть.

— Боюсь, я вряд ли сумею помочь, — проговорил Чарльз.

— Может, и так, — согласился Де Квинси, — но, как говаривал Загабог, «раз в сотню лет пригождается что угодно»: глядишь, настал и твой час. Он-то сам, разумеется, отправился

по важным делам (я имею в виду великого Загабога), но после третьей битвы, когда шестеро наших лучших генералов вынуждены были позорно отступить, Король телеграфировал Загабогу — тот сейчас в Тимбукту — и Загабог прислал ответ. Его величество ждёт не дожждётся, чтобы ты услышал этот ответ.

— С большим удовольствием.

— Тогда идём. — Де Квинси в мгновение ока уменьшил Чарльза до размера эльфа, и Чарльз увидел, как пляшут цветы, развешанные рядами на нитях паутины, чего с высоты человеческого роста было не разглядеть.

— Вот это да, — изумился он, — да у вас выставка цветов.

— Напротив, — возразил Де Квинси нетерпеливо, — у нас большая стирка.

В вестибюле Чарльз снова остановился, зачарованный самой прелестной музыкой, какую ему доводилось слышать. На этот раз, едва он спросил, что это значит, Де Квинси ответил, не выказав нетерпения:

— Это репетирует личный королевский оркестр, — пояснил он. — Сейчас как раз сыграют одну мою вещицу.

— Мне бы очень хотелось услышать вашу песню, если она хотя бы вполтину так же красива, как песня о Загабоге.

— Она даже красивее, но не такая мудрёная, — ответил Де Квинси.

Оркестр, явно дожидавшийся эльфа, замолк. Выслушав его указания, музыканты вновь взяли за инструменты. Крохотная солистка вышла вперёд и после тактов вступления пропела два очень поэтичных куплета об эльфах, танцующих в лунном свете под звон колокольчиков, которые играют эльфийский мотив.

— Ну вот, — произнёс Де Квинси, когда она допела, — что скажешь?

— Чудесная песня, — ответил Чарльз, — в жизни не слышал ничего прекраснее, хотя, конечно, я слышал не так-то много песен.

— Никогда не уточняй похвалу, — выговорил ему Де Квинси. — Это лучшая песня из всех, что ты слышал. И довольно слов.

— Я бы хотел послушать её ещё раз, — взмолился Чарльз, но Де Квинси отказал наотрез.

— На репетициях не играют на бис, — пояснил он. — Да и негоже заставлять Короля ждать.

Король пожал Чарльзу руку и вообще принял его с великим радушием. Он не был тщеславен и самодоволен, как Де Квинси. Где уж тому было тягаться манерами с Королём!

— Добро пожаловать, — сказал Король, — хотя, боюсь, едва ли ты сумеешь помочь нам, даже если бы и желал. Мистер Де Квинси наверняка рассказал тебе, что случилось.

— Да, ваше величество. Он рассказал мне, что хобгоблины пошли войной на Страну эльфов.

— Именно так, — подтвердил Король. — Верховодит ими могущественный и, боюсь, совершенно беспринципный субъект по имени Марш Галлопер. Дело настолько серьёзно, что я отправил телеграмму Загабогу. Если позволишь, я ознакомлю тебя с его ответом. — Король позвал Чтеца Депеш, а в ожидании его прихода пояснил: — Хобгоблины хотят отменить вето, и я, в свою очередь, склонен дать им попробовать — в качестве эксперимента, не более того, — но премьер-министр слышать об этом не желает.

Тут прибыл Чтец и прочитал послание Загабога:

«В ответ на вашу телеграмму я справился в моих книгах «Кто есть кто» и узнал во всех подробностях, кто же такой хобгоблин по имени Марш Галлопер. Образованием он пренебрёг, и это необходимо срочно

наверстать. Но сперва нужно его поймать, а для этого необходимо выполнить три условия. Вам понадобятся:

1. Мальчик.
2. Девочка.
3. Грелка, сделанная в Германии.

Найдите их, а остальное предоставьте им.

Надеюсь, моё письмо застанет вас в таком же добром здравии, в каком пребываю я. Засим остаюсь, мой дорогой Король, ваш друг и доброжелатель

ЗАГАБОГ».

— Ну вот, — сказал Король, когда Чтец закончил и раскланялся, — теперь ты видишь, в каком я положении. Во-первых, нам нужен мальчик, который нам поможет, во-вторых, девочка, которая нам поможет, в-третьих и в последних — сделанная в Германии грелка, которая нам поможет. Я не имею удовольствия знать ни одного мальчика, кроме тебя, и ни одной девочки, кроме твоей сестры, равно как и ни одной грелки, сделанной в Германии. Но если вы с Юнити согласитесь мне помочь, для начала и этого хватит с лихвой.

— Мы почтём за великую честь вам помочь, — откликнулся Чарльз.

— Вот и славно. Как говорится, лиха беда начало. Но остаётся вопрос, как быть с грелкой. Вот в чём загвоздка.

— К счастью, я знаком с одной грелкой, — заверил Чарльз. — Пожалуй, можно даже сказать, что она мой друг.

— Не зарывайся, — пробормотал Де Квинси, — что за небылицы ты нам плетёшь?

— Клянусь вам, это чистая правда, — настаивал Чарльз. — Если угодно, идёмте со мной и увидите её собственными глазами.

— Но сделана она не в Германии? — уточнил Король. — Ведь наверняка не в Германии?

— Именно что в Германии, ваше величество, она сама мне сказала, — ответил Чарльз. — Мы с Юнити спасли её от тяжкой доли и попытались починить. Она в ужасном состоянии, но, несмотря на это, не утратила бодрости духа.

— Да согласится ли она помочь? — встревожился Король. — Я бы предпочёл не вмешивать в это дело иностранку — хотя ты сам слышал, что пишет Загабог.

— Иначе и быть не может, — заверил Чарльз. — Она сделает всё, что в её силах, ведь я так старался её починить. Да и в Германии её только изготовили. Сразу после этого она попала в Англию и прожила здесь всю жизнь.

— Так значит, она приняла наше гражданство. Вот и славно. Тогда всё складывается как нельзя лучше, — обрадовался Король. — Я безоговорочно доверяю тебе, твоей сестре и этой грелке. После того как восстановите мир и порядок в королевстве, явитесь ко двору, и мы устроим праздник. Твоя сестра выберет десять блюд, которые будут приготовлены для пира, и ты тоже выберешь десять. Аудиенция окончена.

Король кивнул Чарльзу, пожал ему руку, и Де Квинси повёл Чарльза прочь.

— Но вы не сказали, что нам делать! — воскликнул Чарльз. — Я же ничего не знаю.

Король удивился и, кажется, даже немного обиделся.

— Значит, ты не слушал, что написал Загабог. Он дал точные указания и добавил: «Найдите их, а остальное предоставьте им». Ну вот. Я нашёл тебя, а остальное уже твоё дело. Секрет моего благополучного правления, мальчик, в том, что я для каждого дела умею выбрать нужного эльфа и не мешаю ему работать. Я прав, Де Квинси?

Поэт кивнул.

— Совершенно правы, ваше величество.

Де Квинси повёл было Чарльза к дверям, но на этот раз их остановил Король.

— Я прошу об одном, — сказал он. — Пусть Чарльзу перед уходом споют «Ночную песнь». Её чары, как ничто иное, защищают от проказ эльфов и прочих ночных созданий. Да проследи, чтобы он выучил её наизусть, прежде чем возьмётся за эту опасную затею.

Они вышли из Холма, Де Квинси взгромоздился на камень под листом папоротника, Чарльз уселся на перевёрнутую желудёвую шапочку, и Де Квинси спел ему песню, написанную, пояснил эльф, поэтом по имени Роберт Геррик, который знал об эльфах больше всех — разумеется, после Шекспира. Вот эта песня:

Трава светляками да светит,
Кометы да путь тебе метят,
И эльфы пускай
Тебя невзначай
Под старыми вязами встретят.

«Блудячий огонь» да не блудит,
Летучих мышей да не будет,
И пусть никакой
Дух леса ночной
Вернуться тебя не понудит.

Ступай себе неустрашимо,
Луной толстобокой хранимый.
Пусть звёзды гурьбой
Идут за тобой,
Как факелы неисчислимы.*

Чарльзу очень понравилась эта волшебная песня. Он быстро её запомнил и пообещал, что постарается научить ей Юнити. И не забыл отметить, что Де Квинси прекрасно поёт (так оно и было). Правда, если бы эльф так не хвастался своим пением и вообще всем, что делает, оно нравилось бы людям гораздо больше.

И Чарльз устремился домой, размышляя о предстоящих ему великих свершениях. Увлёкшись мыслями о хобгоблинах и Марше Галлопере, он позабыл, что по-прежнему росточком с эльфа, и вспомнил об этом, лишь когда на него спикировала пустельга. Птица приняла мальчика за ящерку или мышонка и, если бы Чарльз не закричал, впилась бы в него острыми когтями и унесла себе на ужин.

Чарльз со всех ног бросился к Холму эльфов. Де Квинси уже его поджидал: он тоже вспомнил, что не произнёс необходимого заклинание, и, довольно резко упрекнув Чарльза в беспечности, вернул ему натуральный вид.

Мальчик отправился домой, на этот раз уже по-настоящему. Вечером он рассказал Юнити, что нужно сделать,

---

* Стихотворение Роберта Геррика в переводе Т. Стамовой.

а наутро они посвятили в свои планы и грелку. Та, по своему обыкновению, разволновалась, но целиком и полностью верилась детям.

ТОТ САМЫЙ ГАЛЛОПЕР

Поймать хобгоблина оказалось не так-то просто. Пришлось Чарльзу с Юнити дожидаться темноты и только тогда отправиться в экспедицию на болота: ведь хобгоблины — создания ночные. На болоте им предстояло найти Марша Галлопера, да вдобавок решить, как с ним быть, когда они поймают его. Юнити предложила поступить с ним по-доброму. Грелка с ней согласилась: сперва действительно нужно по-доброму, но Чарльз возразил, мол, нечего миндальничать, только зря время терять.

— Он хочет отменить вето, премьер-министр этого не допустит. Уж не знаю, что такое «вето» и с чего это Галлоперу взбрело бороться за его отмену, но Король явно на стороне премьер-министра, — значит, когда мы найдём Марша Галлопера, так ему и скажем.

— Только надо сказать это деликатно, — вставила грелка. — Мы скажем, мол, сожалеем, что вынуждены вас разочаровать, но пока что вето нельзя полностью упразднить, однако, возможно, если вы будете паинькой и попросите у Короля прощения, тот со временем его отменит.

— Нет уж, — отрезал Чарльз, — я врать не стану. Для начала посмотрим, как хобгоблин нас встретит: по-хорошему или нет.

— А вот интересно, как мы узнаем, что это он? — заметила Юнити.

— Никак не узнаем. Я всего два раза видел хобгоблинов, они все одинаковы. В тёплые вечера вылезают из болота и скачут туда-сюда, как мошкара, вьющаяся над водой. А фонарики у них странно-тусклые — не такие яркие, как ночники, и какие-то синеватые.

— Эти хобгоблины опасны? — уточнила грелка.

— Разумеется, — ответил Чарльз.

— Тогда идите-ка вы лучше без меня, — сказала грелка. — У меня на такие затеи не хватит духу.

— Вы должны пойти с нами. Ведь вас упомянул Загабог. К тому же, — добавил Чарльз, — мы с Юнити споём песню, которой научил меня Де Квинси, и она защитит нас: я в этом даже не сомневаюсь.

Следующей тёмной и тёплой ночью все трое отправились на большие болота. Место гиблое, но Чарльз его знал отлично, а Юнити доверяла Чарльзу. Бедняжка грелка, едва ступила на топкую почву, тут же попросилась на руки, Юнити подхватила её и понесла. Потом брат с сестрой пропели песню Роберта Геррика.

Не успели они допеть, как тут и там на болоте зажглись как минимум четыре фонарика. Пламя горело тускло, то росло, то вновь угасало, мерцая. Один из фонариков горел ярче и ближе остальных, и Чарльз с Юнити, позабыв об опасности, побежали на свет.

— Добрый вечер, мистер Хобгоблин... — только и успел вымолвить Чарльз, как вдруг почувствовал, что погружается в леденящую топь. С чавканьем и бульканьем трясина, точно живая, засасывала его ноги. И действительно, болото колыхалось, дрожало, тряслось, да так, что жуть брала. Чарльз ухватился за Юнити, та — за грелку, и они почти мгновенно выбрались на кочку из тростника, а под ними ходила ходун-ом трясина, которая едва их не поглотила. Грелка заверещала от ужаса и так крепко вцепилась в Юнити, что чудом

не задушила её, но крики её не шли ни в какое сравнение с грубым визгливым хохотом хобгоблина.

— Облапошили меня, а я-то уж думал, что поймал вас! — вскричало крошечное чудовище, росточком от силы три дюйма, мохнатое, точно паук, с красными, как рубины, глазами и синими, отливавшими сталью крылышками. Стекло в его фонарике тоже было синим. Хобгоблин поставил фонарик на лошадиный череп, на котором сидел, и, уперев руки в боки, затрясся от смеха.

Чарльз ужасно разозлился на негодника, едва не утопившего его любимую сестрёнку (не говоря уже об их искалеченной товарке) в гиблой трясине, выбраться из которой было практически невозможно.

— Мы вас ничутьки не боимся, даже не думайте! — крикнул Чарльз. — Жалкий трусишка, пытался утопить меня и мою сестру!

— Твоя правда, — согласился хобгоблин. — Ещё чуть-чуть, и вы оба утопли бы, как пить дать.

— Разумеется, утонули бы! Я не понимаю одного: зачем вам это понадобилось?

— Будь я проклят, ежели знаю зачем, — ответил этот чертёнок. — Дело моё такое — строить вам, людишкам, козни на этих самых болотах.

— Недостойное ваше дело. Разве мы вас чем-то обидели?

— Не могу жаловаться.

— Мы вам слова грубого не сказали!

— Навроде как нет.

— А вот интересно, почему тогда вы так скверно себя ведёте, — встряла Юнити.

На это хобгоблину ответить было нечего, и он изготовился переменить тему, но в этот миг в синем свете фонарика Чарльз заметил на его шее Каменное сердце — уменьшившееся настолько, чтобы его мог надеть эльф.

— Да вы же Марш Галлопер собственной персоной, — сказал Чарльз.

— Так меня кличут, хотя я понятия не имею, откуда вы это узнали.

— Догадались по этой штуке у вас на шее.

— А вот интересно, не будет ли вам лучше без неё, — заметила Юнити.

— Нет-нет! — возразил хобгоблин. — Штука эта волшебная, она сделала меня королём болотного края, а скоро сделает и королём Страны эльфов.

— Измена! — вскричал Чарльз. — За такие речи вам следует отрубить голову.

— Кто же посмеет отрубить хобгоблину голову или хвост, — нахально усмехнулся Марш Галлопер.

Настал черёд Чарльза перевести разговор на другую тему.

— Насколько я знаю, — сказал он, — вы хотите отменить вето.

— Хочу, а как же, — подтвердил чертёнок, — но это ещё не всё. Я хочу отменить вообще всех, чтобы самому всем править. И отменю. — Тут хобгоблин, размахивая фонарём, затащил омерзительно-нестройную песню.

Дети воспользовались этим, чтобы посоветоваться. Они так и не решили, что делать, но грелка кое-что предложила. Она открутила свой медный носик, протянула его Чарльзу и зашептала, чтобы не услышал Марш Галлопер:

— Загабог ведь не просто так упомянул обо мне, верно? Он специально упомянул обо мне. И я поняла почему. Только мне под силу поймать хобгоблина.

— Поймать? Думаете, нам нужно его поймать? — шёпотом удивился Чарльз.

— Да, для начала. Пока Марш Галлопер на свободе, он не станет и слушать наших резонов.

— Но как нам его поймать?

— Накройте его мною. Загабог наверняка смекнул, что грелка, сделанная в Германии, — единственная ловушка, из которой хобгоблин не вырвется. По крайней мере, я так вижу ситуацию.

— Давайте попробуем, — согласился Чарльз, дивясь неожиданной смелости своей подруги.

— А вот интересно, что вы будете делать, если он вас укусит, — прошептала Юнити.

— Мне не привыкать, — вздохнула грелка. — Но я готова на это ради пользы дела. А теперь не теряйте времени, иначе он усколет, и мы его не найдём.

Чарльз взял в одну руку грелку, в другую медный носик и принялся подкрадываться к поющему хобгоблину. Мальчика тревожила прореха в грелкином боку. Он, конечно же, кое-как залепил её пластырем, но не вырвется ли Марш Галлопер из такой ненадёжной ловушки?

— Ишь, шепчутся они, — вдруг произнёс хобгоблин. — Невежи, хуже меня. Как вас зовут, позвольте спросить?

— Мою сестру зовут Юнити, меня Чарльз, а это...

Он осёкся, рванул к хобгоблину и проворно накрыл его грелкой. Марш Галлопер, обнаружив, что попался, начал метаться, царапаться, лягаться, звать на помощь своего друга, Огнедышащего Дракона, и браниться так забористо, что Чарльз поскорее заткнул отверстие медным носиком, чтобы Юнити не слышала эту ругань.

Бедняжка грелка схватилась за живот и с невероятной стойкостью сносила мучения, которые причинял ей Марш Галлопер.

— Всё ради общего блага, — повторяла грелка, и эти слова утешали её в печали, как не раз утешали в минуту отчаяния других великих героев.

Изловив Марша Галлопера, наша троица поспешила домой. Какой бы жестокостью ни казалось повесить грелку

на прежний гвоздь и бросить её одну с мечущимся внутри, точно рассерженная мышь в мышеловке, хобгоблином, а ничего другого не оставалось. Грелка мужественно приняла свою участь: сказала Чарльзу и Юнити, чтобы они шли спать, а утром явились к ней как можно раньше. Выходя из конюшни, они слышали позади:

— Всё ради общего блага. Всё ради общего блага.

Утром, чуть свет, Чарльз проснулся и ринулся на конюшню.

— Тише, — грелка прижала палец к губам, — не разбудите его, ради бога. Я провела ужасную ночь и смертельно устала. С первыми петухами это чудовище присмирело, а когда ваш взрослый брат Джон явился за лошадей, и вовсе заснуло. Уж не знаю, сколько он ещё проспит. И насколько хватит меня самой.

— Первым делом надо снять с него Каменное сердце, — ответил Чарльз. — И тогда мы увидим, какой он на самом деле. А теперь, если вы готовы, я откручу носик и вытащу его.

— Только надень толстые рукавицы, иначе он прокусит тебе руку до кости, — посоветовала грелка.

Но Марш Галлопер ничего такого не сделал. Он выкатился из горлышка грелки, точно сонная мышь. Чарльз снял с шеи чертёнка крошечное Сердце и вернул Галлопера в его темницу.

— Не беспокойтесь, — сказал Чарльз грелке, — когда он проснётся, уже не будет ни царапать, ни кусаться. Вполне возможно, без амулета Марш Галлопер окажется довольно-таки славным малым.

— Сомневаюсь, — ответила грелка. — Как бы то ни было, я надеюсь, эльфы щедро вознаградят меня за то, что я сделала.

— Наверняка они вас починят, — проговорил Чарльз, — ведь это меньше, чем они могут вас отблагодарить. Я очень надеюсь, что так и будет, и обязательно расскажу им о вашей отваге.

— Твои слова придают мне сил. Тем более что я не прошу невозможного. В моём почтенном возрасте нормально иметь потрёпанный вид, но если они починят меня и в целом наведут блеск, вернут мне достоинство и герметичность... впрочем, замечу без колебаний, подобная цепь событий чересчур хороша, чтобы оказаться правдой.

Пока грелка выговаривала все эти нелепо-длинные слова, амулет потихоньку принялся увеличиваться до обычного размера, и Чарльз задумался, что же с ним делать.

— Мой тебе совет, — сказала грелка, — зашвырни его в буковый лес. Там его никто не найдёт, а вскоре его засыплет листвою, и все о нём позабудут.

Чарльз весьма опрометчиво последовал совету грелки и зашвырнул Каменное сердце в густой лес, начинавшийся за родительской фермой. А после завтрака отправился с доброй вестью к Холму эльфов.

У входа его поджидал секретарь Де Квинси. Уменьшив Чарльза до размера эльфа, он протянул ему письмо от поэта. Вот что тот написал:

«Мой дорогой Чарльз, этим утром до нашего королевского двора дошли хорошие новости о твоей победе, и тебе наверняка приятно будет услышать, что хобгоблины, лишившись вожака, сдались и умоляли о пощаде. Король решил их помиловать, и королевская стража из числа хобгоблинов вернулась к своим обязанностям. Но Маршу Галлоперу обратный путь заказан. Скорее всего, его вышлют или навеки изгонят из родного болота. Король должен был вынести этот ужасный приговор ещё час назад, но Королева (уж не знаю, мудро это или не мудро) умолила его величество хорошенько подумать, прежде чем подписать указ. Пока что решили, что Марш Галлопер останется у тебя ещё на две недели. Если за это время тебе и твоей сестре удастся обучить его тому, что следует знать, и облагородить его манеры, политические убеждения, речь и нрав, тогда ему, возможно, позволят вернуться к друзьям.

Мы очень опечалились, узнав от тайного гонца о том, что ты вновь выбросил Каменное сердце. Ни одна достойная птица, рыба, зверь или иное существо не может считать себя в безопасности, пока эту ужасную вещь не уничтожат. Не думай, что, зашвырнув его в лес, ты сделал доброе дело. Мы ещё услышим о нём, причём невдалеке.

Мой дорогой Чарльз, передай мой поклон Юнити и псу Шипу. Засим остаюсь твой друг,

Де Квинси

Р. С. Я не делал попыток насытить это письмо волшебством английской прозы, потому что очень спешу и ты всё равно не оценишь.

Р. Р. С. Король обещает пожаловать мне звание В. Я. К. Это высшая почёт в Стране эльфов — куда

лучше, чем титул герцога, эрла и прочее в этом роде. В. Я. К. расшифровывается как «Вот я какой!», и если я получу это звание, велю вышить эти буквы на фалдах всех моих фраков. Надеюсь, в нашу следующую встречу ты это увидишь».

— Мистер Де Квинси, как обычно, явно доволен собой, — заметил Чарльз.

— Да, — откликнулся секретарь, — он составил себе имя. Теперь он только и делает, что декламирует всем свои стихи, а новые ему писать некогда.

— Я рад, что Король сделает его В. Я. К., — сказал Чарльз.

К немалому удивлению мальчика, секретарь зажмурил один глаз и левым указательным пальцем постучал по своему носу.

— Чушь, — ответил он, впервые на памяти Чарльза обнаружив проблеск чувства.

Секретарь снял заклатье, и Чарльз пошёл домой. Ему казалось, что было бы лучше, если бы эльфы сами взялись за образование Марша Галлопера. Однако же мальчику льстило, что они поручили ему такую важную задачу.

Сперва нужно было выяснить, что ученик уже знает, а потом — что знают они с Юнити. По пути на ферму Меррипит Чарльз перебрал в голове всё, что ему было известно, и приуныл: не так-то и много он знал. А Юнити, конечно же, знала и того меньше, ведь ей было всего пять с половиной лет.

После долгого обсуждения брат с сестрой решили: сперва нужно выяснить, что известно хобгоблину. Они вошли на конюшню и застали грелку и Марша Галлопера за дружеской беседой. Галлопер совершенно переменился. Его переполняло раскаяние, смирение и стыд. Сперва Чарльз даже подумал, что тот притворяется, но нет: после того как у него забрали Каменное сердце, Марш исправился.

Юнити принесла клетку-мышеловку, которую Чарльз выставил до половины сырым мхом, и предложила хобгоблину забраться внутрь, а они пока что объяснят ему, как обстоят дела.

— Прочие ваши собратья повинились и получили прощение, — сказал Чарльз. — А вас Король сперва хотел отправить в изгнание: это значит, что вам уже никогда не позволят вернуться домой. Но потом передумал и пообещал, что если за две недели мы вас достаточно вразумим и перевоспитаем, он разрешит вам вернуться домой. Однако вам сперва придётся выдержать экзамен.

Марш Галлопер в отчаянии заломил руки:

— Моя бедная жена! — вскричал он.

— Вот те на, так вы женаты? — удивился Чарльз.

— Женат, но единственная наша родня — племянница жены: мы все вместе живём под корнем трифоли. Жили мы, не тужили, не знали бед, пока я не подобрал эту чёртову каменюку. Завелись у меня в башке всякие бредни, пошёл я войной на эльфов, и вот пожалуйста: меня прогнали прочь, и нет надежды, что я когда-нибудь вернусь домой.

— Надежда есть, если вы постараетесь хорошенько и запомните всё, чему мы вас научим, — заверил Чарльз.

— Ничему вы меня не научите. Я глупорождённый, как есть глупорождённый, иначе разве сидел бы я тут с вами в мышиной клетке?

— А вот интересно, что вы знаете, — вмешалась Юнити.

— Ничегошеньки, разве что самую малость о том болоте, с откудова я родом. Без толку.

— Во всяком случае, вы что-то знаете о вето, — встала грелка, — вы же за это боролись.

— Именно, — подхватил Чарльз, — это он должен знать.

— Будь я проклят, коли так, — ответил хобгоблин. — Надо ж за что-то бороться, вот я и боролся за вето. Но я понятия не имею, с чем его едят.

— Откуда же вы узнали о его существовании? — спросил Чарльз.

— Из газеты. Какой-то рыбак оставил на берегу реки. Мой дружок, Огнедышащий Дракон, знает грамоте, вот он и прочитал: «Долой вето!» И я решил, что буду выкрикивать эти слова.

— Что ж, — сказал Чарльз, — раз вы не знаете ничего, начнём с самого начала. Я буду преподавать вам арифметику, историю и царей иудейских. Моя сестра Юнити научит вас шить, вышивать и слагать стихи, насколько умеет сама.

— Ну а я, — проговорила грелка, — дам вам урок географии, в которой я сведуща куда более, чем может показаться.

— А вот интересно, сумеете ли вы за две недели выучить достаточно, — произнесла Юнити.

Галлопер печально покачал головой.

— Вы меня только собьёте с панталыку, — сказал он.

— Да-да, — согласилась грелка, — боюсь, если вы приметесь пичкать его познаниями, он лопнет, как я.

— А вот интересно, от чего нам лучше отказаться.

— От шитья, — предложил Марш Галлопер.

— А ещё от чего? — спросил Чарльз.

— От царей иудейских, — сказал Галлопер. — На остальное я приналягу, хотя кто его знает, выдержит ли соображалка.

На следующий день они начали заниматься. Устроили Галлоперу классную комнату в большой жестянке из-под печеня. Раз в два дня приносили ему свежий болотный мох и каждый вечер давали жидкой грязи — ровно половину старой банки из-под повидла. Но хобгоблина мучили две вещи. Он не мог зажигать свой фонарик и не мог написать письмо жене. Дети попытались его ободрить, заметив, что если он будет усердно учиться, то вскоре сумеет написать ей письмо.

Это ничуть его не утешило, потому что, объяснил хобгоблин, даже если он и напишет жене письмо, она всё равно не сможет его прочесть.

На этом глава заканчивается, но прежде чем продолжить рассказ, нужно упомянуть кое о чём ещё, чтобы эта мелочь не мешала нам в следующей главе.

Случилось так, что примерно в ту же пору грелка попросила Чарльза и Юнити об одолжении.

— У всех есть имя, — сказала она. — Мне тоже нужно. Тогда я себя зауважаю.

Дети с ней согласились и спросили, как она хочет называться.

— Я хочу, чтобы имя напоминало мне о родине, — ответила грелка. — Разумеется, под родиной я имею в виду Германию, где меня изготовили. Быть может, «мисс Потсдам»?

— По-моему, не лучшее имя, — признался Чарльз.

— Тогда «мисс Вильгельм», или по-вашему «Уильям»?

— Уильямом зовут моего отца.

— Как насчёт «мисс Бисмарк»?

На это Чарльз согласился. Довольно звучное имя для обычной грелки, вдобавок требующей ремонта, но никому от этого хуже не стало, и я ни разу не слышал, чтобы грелка его опозорила.

ЭКЗАМЕН

Глава 10

Школа Марша Галлопера отличалась от тех, в которых вам наверняка доводилось бывать. В ней был всего один

ученик и трое учителей, которые, не щадя сил, вбивали знания в его голову. Вечер за вечером бедолага укладывался на сырой мох, предварительно облепив лоб свежей холодной грязью, потому что голова трещала немилосердно. Случись вам оказаться рядом, вы услышали бы, как хобгоблин мечется во сне и бормочет: «Лондон — столица Франции», «Дважды пять — четыре, дважды шесть — девять, дважды семь — пятьдесят три», «У Мэри был ягнёнок, шёрстка сажи черней, куда бы ни шла наша Мэри, ягнёнок бежал за ней», и так далее — что доказывает: занимался он упорно, пусть и несколько хаотично.

Учителя, как я уже сказал, не жалели сил, и чем меньше времени оставалось до экзамена, тем больше жидкой грязи требовалось Маршу Галлоперу. По вечерам его учила мисс Бисмарк, днём Чарльз, а по утрам Юнити занималась с ним вышиванием и разучивала стихи.

Наконец настал великий и важный день экзамена. Чарльз принёс Галлопера в старой табачной жестянке к Холму и передал дожидавшимся эльфам. Ему не терпелось узнать результаты: он надеялся принести домой хорошие вести о том, что хобгоблин выдержал экзамен, а потому Чарльз уселся на траву у Холма и принялся терпеливо ждать, пока ему сообщат, как обстоят дела.

Вскоре он заметил, что кишачие вокруг птицы и звери ведут себя как-то странно. Было ясно: творится нечто из ряда вон. Птицы и звери собирались стайками, но самое необычное — те, кто при каждом удобном случае норовили затеять спор, ссору или драку (а то и вовсе сожрать друг друга), сейчас мирно сидели рядышком, как ни в чём не бывало, явно объединённые общим интересом.

Глазам вошедшего в экзаменационный зал хобгоблина предстало впечатляющее зрелище. С одного боку сидели эльфы, тысячи две или три, а с другого — хобгоблины с родного болота Марша Галлопера. На помосте в глубине зала

восседали на золотых креслах со скамеечками для ног Король и Королева. На стене висела доска для отметок, которые получит Галлопер. Присутствовал здесь и королевский экзаменатор. Вряд ли вы удивитесь, узнав, что это был не кто иной, как Де Квинси. Он ещё не получил звание В. Я. К., но надеялся, что после экзамена ему сразу же окажут эту почесть. Де Квинси в мантии и квадратной шапочке глядел учёнее обычного.

Оробевший Марш Галлопер поклонился, шаркнул ножкой и коснулся рукой лба, приветствуя собравшихся. Миссис Марш Галлопер, сидевшая на переднем ряду между своей племянницей и миссис Огнедышащий Дракон, громко вскрикнула, заметив, как муж отоцал, одичал и приуныл. Она спросила, можно ли ей поцеловать мужа, чтобы его ободрить, но ей не разрешили.

После того как ученику принесли стул, Де Квинси поднялся и взял с близстоящего стола пухлую стопку бумаг.

— Спешу уведомить ваши величества, — начал он, — что мы собрались здесь, дабы оценить познания хобгоблина по имени Марш Галлопер, который недавно устроил бунт. Я слышал от мальчика Чарльза, Галлопер исправился на диво, что, разумеется, не может не радовать. Но жребий его зависит не от этого. А от того, что он успел выучить. Если он выдержит предстоящий экзамен, его отпустят домой к жене, родным и знакомым, если же срежется, его прогонят прочь, и коли он ещё раз покажется на родимом болоте, пусть пеняет на себя.

Публика заплодировала Де Квинси, который так ясно изложил суть дела. Поэт продолжал.

— Экзамен наш состоит из арифметики, истории, географии, вышивания, поэзии и общих познаний. Я предлагаю, буде того пожелают ваши величества, начать с общих познаний.

К сожалению, в общих познаниях хобгоблин был швах, поскольку ни Чарльз, ни Юнити не обладали познаниями, сколь-нибудь достойными упоминания, а потому и не могли передать их Галлоперу. Но грелка кое-что знала, и Марш Галлопер решил, что постарается ответить.

— Первый вопрос, — Де Квинси сверился с бумагами, — кто такие вольные каменщики?

Марш Галлопер нахмурился, посмотрел на потолок, потом на окна и на свои лапы.

— Не могу вам сказать, поскольку знать их не знаю, — ответил он.

— Не знаете! Что ж, прекрасно — точнее, ужасно. Ваши величества, прошу заметить, подсудимый не знает, кто такие вольные каменщики.

— Вольные каменщики, — объяснил Король своим подданным, — это каменщики, которые не вступили в тред-юнион. А теперь продолжайте.

Де Квинси взял мел, начертил на доске большой ноль и перешёл к следующему вопросу.

— Что такое категорический императив?

— В жизни его не встречал, так что сказать не могу, — последовал ответ ученика.

Де Квинси пожал плечами и нарисовал ещё один большой ноль.

Хобгоблины принялись взволнованно перешёптываться.

— Как видите, ваши величества, подсудимый в жизни не встречал категорического императива, — произнёс экзаменатор.

И Король со свойственным ему добродушием пояснил:

— В октябре и ноябре категорические императивы встречаются в лесу, как и прочие виды грибов.

Публика радостно загомонила, и Де Квинси задал третий вопрос:

— Что важнее, луна или солнце?

— Луна, — мигом нашёлся Галлопер.

— Неверно.

— Для меня важнее луна, — поправился хобгоблин.

— Для тебя? Да кто ты такой?

— Только попадись мне на болоте, и я покажу тебе, кто я такой!

Тут в спор вмешался Король.

— Поставьте подсудимому положительную отметку, — велел он. — Он совершенно справедливо ответил «луна», потому что с его точки зрения она и правда важнее. Призываю вас вспомнить о том, что рассказывал нам уважаемый Загабог за торжественным ужином.

Де Квинси поставил хобгоблину положительную отметку, пусть и весьма неохотно.

— Переходим к арифметике, — объявил экзаменатор. — Мне хотелось бы услышать, сколько, по мнению подсудимого, будет пятью шесть.

— Двадцать девять.

— Неверно. — Де Квинси начертил на доске очередной огромный ноль.

Но Король снова велел ему стереть оценку.

— Он же почти угадал, так что впору поставить ему отличную отметку, разве что снизить на один балл.

Хобгоблины возликовали, а Де Квинси вывел на доске цифру 4.

— Если три умножить на четыре, разделить сумму на два, вычесть один, прибавить семь и полученный результат умножить на двенадцать, сколько будет?

Галлопер, разумеется, понятия не имел, как и никто из собравшихся, если уж на то пошло, но всё же решил ответить. Он помнил, что двенадцатью двенадцать будет сто сорок четыре — самое большое число, до которого дошёл хобгоблин, вот он и счёл, что этот ответ ничем не хуже любого другого.

— Верно! — похвалил Де Квинси и вывел на доске пятёрку. Когда ликование смолкло, Король сказал:

— Великолепный ответ. Я сам не ответил бы вернее. Поставьте ему сразу сто баллов.

Де Квинси ничего не оставалось, кроме как повиноваться, но, поскольку высшей отметкой была пятёрка, такой приказ несколько спутал его планы.

— С арифметикой покончено, — отрезал он. — Переходим к истории. Первый вопрос: где высадился Юлий Цезарь?

— В Плимуте, — ответил Галлопер, поскольку Плимут находится в Девоне, и другого морского порта хобгоблин просто не знал.

— Неверно. — Де Квинси вывел на доске большой ноль.

— Погодите! — вмешался Король. — Как добропорядочный девонский эльф я спрашиваю, твёрдо ли вы уверены, что он ошибся?

— Твёрдо уверен, ваше величество. Считается, что Цезарь высадился в Диле*.

— Ну а я считаю, что он высадился в Плимуте, — заявил Король. — Цезарь был разумный человек, он бы сроду

---

* Дил — прибрежный город в английском графстве Кент.

не совершил подобной ошибки. Поставьте Галлоперу высший балл.

Столь разумное исправление истории подданные встретили одобрительными возгласами. Де Квинси нехотя вывел на доске пятёрку.

— Мой второй вопрос относится к царствованию Вильгельма и Марии*. Что подсудимый знает о Марии?

— У Мэри был ягнёнок, — не замедлил ответить Галлопер.

— Это совершенно неверно, — заявил Де Квинси. — Вы путаете поэзию с историей.

— Если даже и так, — вмешался Король, — то не он первый.

— Разумеется, если ваше величество довольны...

— Вполне, — перебил Король. — Давайте перейдём к следующему. Никогда не любил историю — разумеется, кроме истории моего королевства.

— Тогда переходим к вышиванию, — объявил королевский экзаменатор. — Поскольку я в этом ничего не смыслю, вынужден попросить ваше величество созвать жюри из рукодельниц.

— Не нужно, — ответила Королева. — Я сама поставлю оценку.

Раздались аплодисменты, и Галлопер показал свою работу. Под руководством Юнити он вышил крошечный листик черники. В уголках красовались шестиконечные звёздочки, а посередине слова: «Храни наш дом».

Королева внимательно рассмотрела вышивку.

— Великолепно, — произнесла она. — Я оставлю её себе.

— Её величество оказала честь Галлоперу, оставив его вышивку себе. Три пятёрки ему! — провозгласил Король.

---

* Речь об английском короле Вильгельме II и его супруге и соправительнице Марии II (царствовали в конце XVII — начале XVIII в.).

Когда аплодисменты смолкли и миссис Галлопер успокоилась (поскольку от напряжения у неё едва не сделалась истерика), Де Квинси взял следующую бумагу.

— География, — сухо объявил экзаменатор. Он изъяснялся всё суше и суше, так как разозлился не на шутку. Но нельзя показывать Королю, что ты разозлился, иначе навлечёшь на себя беду, и Де Квинси сдерживался как мог.

— География мой любимый предмет, — сказал Король. — Многие будут зависеть от ответов на эти вопросы.

— Пора пить чай, — спохватилась Королева.

— Значит, экзамен переносится на полчаса, — решил Король, и они с Королевой удалились в личные покои.

В зале поднялся шум. Одни желали Галлоперу удачи, другие смотрели на длинный ряд нолей на доске и лишь качали головой. Когда вернулся Король, пересуды ещё не утихли. Кое-кто из зрителей заметил, что Король принёс «Справочник по современной географии».

ХОБГОБЛИН СРЕЗАЛСЯ

— Наш первый вопрос, — начал Де Квинси, — заключается в следующем: какова в квадратных милях площадь Соединённых Штатов Америки?

Отвечать на это не стоило и пытаться.

— Откуда мне знать, — сказал Марш Галлопер.

— Заметьте, ваше величество, в конце концов, он не знает всё на свете, — не без ехидства произнёс Де Квинси.

— Конечно, не знает, — согласился Король. — Да и кто, кроме Загабога, знает всё на свете? Следующий вопрос.

Экзаменатор начертил большой ноль и продолжил:

— В чём разница между полуостровом и перешейком?

— Это загадка, — вмешался Король. — Я не допущу, чтобы в такие серьёзные моменты загадывали загадки. Следующий вопрос.

— В чём разница... — начал было Де Квинси.

— Я же сказал, что не допущу этого! — оборвал его Король.

— Ну хорошо, тогда что подсудимому известно о вулканах? — поинтересовался экзаменатор, который уже и сам ощущал себя в некотором роде вулканом.

— Отличный вопрос, — одобрил Король.

К сожалению, о вулканах Марш Галлопер не знал ничего. Король нахмурился, и все хобгоблины пригорюнились.

— Ради блага моих подданных должен заметить, что на данный момент величайшим вулканом в Европе считается сицилийская Этна. Но как знать, что будет дальше. Дартмур тоже когда-то был вулканом. Продолжайте.

Но о географии я вам больше ничего не скажу: слишком уж это печально. Де Квинси задавал вопрос за вопросом, на которые Галлопер не умел ответить. На доске выстроился грозный ряд большущих нолей, и в конце концов Галлопер страдальчески прокричал:

— Ваше величество, с вашего позволения я для разнообразия тоже задам ему вопрос.

— Нелепая чушь! — воскликнул Де Квинси. — Где это слышано, чтобы экзаменуемый задавал вопросы экзаменатору? Никогда такого не бывало, ваше величество.

— Если чего-то никогда не бывало, это ещё не значит, что и не будет. Давайте мыслить широко. Да и глупо предполагать, что подсудимый спросит вас о чём-то, чего вы не знаете: ведь он учил географию всего две недели.

— Вы правы.

— Так пусть скажет.

Марш Галлопер не заставил себя упрашивать.

— Как называются шесть великих герцогств Германской империи? — спросил он.

— Прекрасный вопрос! — воскликнул Король и украдкой посмотрел в свой справочник.

Де Квинси нахмурился, кашлянул, высморкался, подкрутил усы и со смехом проговорил:

— Что за диво! Буквально сию минуту вылетело из головы.

— Задай ему другой вопрос, — предложил Король хобгоблину.

— Что вам известно о Бадене? — спросил Галлопер.

— О Бадене? — повторил Де Квинси, чтобы выиграть время.

— Да, о Бадене.

— Дайте подумать... — И Де Квинси цокнул языком: — Вертится на языке!

— Вот и ответы на ваши вопросы вертелись у меня на языке, да никак слезать не желали, — заметил Галлопер.

Публика расхохоталась, но негоже выставять на посмешище великого поэта, так что Король объявил собравшимся, что Баден — знаменитый немецкий курорт, а экзамен по географии окончен.

— Последний предмет — поэзия, — смиренно произнёс Де Квинси. — Угодно ли вашему величеству, чтобы я проэкзаменовал подсудимого по этой дисциплине?

— Да, — ответил Король и добавил со свойственным ему тактом и добротой: — Нам прекрасно известно, что в поэзии вам нет равных в нашем королевстве.

Де Квинси поклонился в благодарность за комплимент и продолжал:

— По-моему, проще всего не спрашивать вас о том, чего вы не знаете, а выяснить, что вы знаете.

— Bravo! — воскликнул Король. — В этом и заключается мастерство экзаменатора. Продолжайте.

Галлопер заложил руки за спину и без запинки декламировал несколько детских стишков, но на последнем сбился. Вот что он прочитал:

— Малышка мисс Муффик
Присела на пуфик,
Чтоб скушать сладкий творог.
Но большая оса
Хватъ её за волоса,
И мисс Муффик с пуфика скок!

— Неверно!* — Де Квинси хотел было вывести на доске очередной ноль, но Король деликатно его остановил.

— Вы совершенно правы, он допустил ошибку, — начал Король, — но, быть может, на деле и не имеет значения, кто именно напугал мисс Муффик, паук или оса. Её испуг, её прыжок — вот драматический смысл стихотворения, и неважно, что их вызвало — невежество ли паука, который

---

* В оригинальном детском стишке не оса, а паук («There came a big spider...»), поэтому Де Квинси счёл ответ неверным.

так бесцеремонно угнездился рядом с ней, или глупая выходка осы, схватившей её за волоса; поправьте меня, если я ошибаюсь.

— Ваше величество совершенно правы, — сказал Де Квинси. — Я как-то не думал об этом в подобном смысле. Это вариант классического стихотворения, но наверняка правители его поддержат. Тем более что, по вашему справедливому замечанию, и тот и другой случай окончился для героини одинаково.

— К тому же в разнообразии есть своя прелесть, — добавила Королева.

— Продолжайте, — велел экзаменатор Галлоперу.

— Я больше ничего не знаю, — сказал хобгоблин, — но после того как Юнити разучила со мной этот стишок, я написал свой собственный. Получилось не так чтобы складно, и я упомянул об этом лишь для того, чтобы вы поняли, как усердно я занимался.

— Прочитайте же его, — приказал Король, — и пусть никто не смеётся.

И подсудимый прочитал эти строки:

— Неужели я никогда не увижу моё болото
И нору у корней трифоли?
Неужели расстанусь с женой,
Такой доброй, такой родной?
Неужели я никогда не увижу моё болото?

Неужели я никогда не увижу милых друзей
И тот лошадиный череп?
Не взмахну голубым фонарём,
Чтобы стало светло, как днём,
И не прыгну на старый череп?

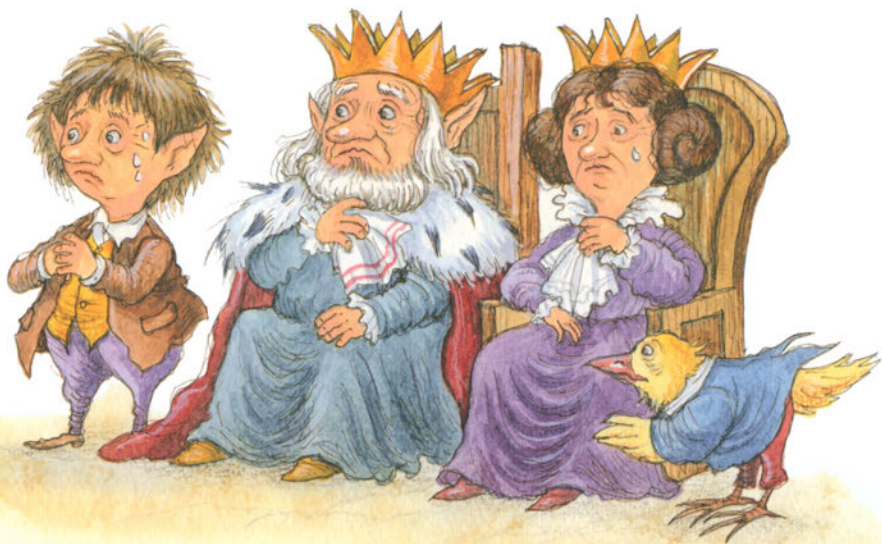

Неужели я никогда не отведаю дивного ила,
Что у самых моих дверей лежит в изобилии?
Не буду резвиться, скакать,
Петь, играть и плясать,
Неужели я никогда не увижу моё болото?

Неужели я никогда...

— Хватит! — одёрнул Король. — Ни строчки больше.
Я этого не вынесу. До чего же грустное стихотворение. Больше ни строчки.

Зря Король требовал, чтобы в зале не смеялись. Уместнее было бы попросить, чтобы в зале не плакали, потому

что от стихотворения хобгоблина у многих навернулись слёзы. А миссис Марш Галлопер зашла в таких рыданиях, что Королева через одного из юных принцев передала бедняжке флакончик с нюхательной солью.

— Стихотворение нескладное, — заявил Де Квинси, — но трогает до глубины души. И заслуживает высшего балла. — Он поставил Галлоперу пятёрку за старания и добавил: — Экзамен окончен, и я сейчас подсчитаю оценки. Максимум — две тысячи семьдесят пять, минимум — восемьдесят. Боюсь, после того как я сложу ноли и вычту их из общей суммы, выяснится, что подсудимый не сдал экзамен.

В наступившей гробовой тишине Де Квинси принялся за подсчёты. Наконец он покачал головой:

— Увы! — сказал он и, по-моему, искренне огорчился. — Сто двадцать минус семьдесят восемь нолей — это всего сорок два балла. Подсудимый не сдал экзамен.

У Огнедышащего Дракона и прочих друзей Галлопера вырвался глубокий стон. Жена хобгоблина лишилась чувств, и её вынесли в переднюю. Галлопер рухнул на колени, сложил лапки и устремил на Короля свой рубиновый взор, умоляя о милости.

Король надел очки и спокойно посмотрел на доску.

— Прошу прощения, — заметил он, — поправьте меня, если я заблуждаюсь, но, по-моему, вы ошиблись. Сколько у вас нолей?

— Семьдесят восемь, ваше величество.

— Возможно, я глубоко заблуждаюсь, — продолжал Король, — но семьдесят восемь нолей вообще ничего не значат. Вы же не станете отрицать, что ноль — это ничто? Это известно всем.

— Вы меня не так поняли, ваше величество, по крайней мере, в этом случае — впрочем, мне не пристало спорить о числах с моим властелином.

— Давайте спросим у кого-нибудь ещё, — предложил Король. — Пошлите за Чарльзом!

Когда ввели Чарльза (разумеется, уменьшенного до размеров эльфа), Король тепло приветствовал его и объяснил, в чём загвоздка.

— Одним словом, мальчик, скажи нам, чему равны семьдесят восемь нолей? Да не спеши с ответом. Я думаю одно, королевский экзаменатор другое. Мы примем твоё решение.

Вновь повисла гробовая тишина: Чарльз задумался.

— Семьдесят восемь нолей — это нисколько, ваше величество, — сказал он наконец.

Гром аплодисментов сотряс экзаменационный зал, но Король велел герольдам протрубить сигнал, призывающий к тишине.

— Полдела сделано, осталось лишь вычсть семьдесят восемь нолей из ста двадцати. Если так будет проще, считай на доске.

Но Чарльзу не требовалась доска.

— Семьдесят восемь нолей — это нисколько, — сказал он. — Если от ста двадцати отнять нисколько, останется сто двадцать.

— Но ведь, — возразил Де Квинси, — каждый из этих нолей равен плохой отметке. То есть по сути это не ноли. Я думал, они означают...

Однако Король порядком устал.

— Экзамен закончен. Мы не станем вдаваться в подробности, действительно ли ноль равен нолю. Это вопрос для вашего поэтического ума. Я же, как Король, не могу позволить себе подобные затейливые рассуждения. Марш Галлопер получил сто двадцать баллов. Экзамен он сдал. Освободите подсудимого да велите ему явиться завтра в пять часов в зал для аудиенций: в знак прощения я дозволю ему приложиться к моей руке.

В поднявшемся шуме Галлопер присоединился к жене и друзьям, и легионы хобгоблинов с радостными восклицаниями отправились на болото.

Король обратился к Чарльзу:

— Если ты пожелаешь, мы с её величеством будем рады угостить тебя обедом, — сказал он, — запросто, без церемоний.

Но Чарльз решил, что это будет несправедливо по отношению к Юнити и мисс Бисмарк. Он объяснил, что остальным наверняка не терпится узнать результаты экзамена.

— Не сомневаюсь, — ответил Король, — и поскольку в этом есть и их заслуга, мы обязательно пригласим вас всех в гости. Я не забуду. Через неделю или дней через десять вы получите приглашение. Я же тем временем подумаю над тем, какие вам троим выдать знаки отличия. Пожалуй, тут

подойдёт мой королевский орден Титании* четвёртой или пятой степени.

Чарльз рассыпался в благодарностях и поспешил домой с доброй вестью. Однако, несмотря на приподнятое настроение, он заметил, что на пустоши и в лесу царит странное оживление. Видно, случилось что-то из ряда вон, раз птицы и звери так расстроились и даже рептилии и насекомые потеряли покой. «Может, Шип знает, в чём дело», — подумал Чарльз и решил расспросить его при первой возможности.

Глава 12

МИСТЕР МЕЛЕС И ДЕЛЕГАЦИЯ

Нечего и говорить, как Юнити и мисс Бисмарк обрадовались победе Марша Галлопера.

---

*Титания — персонаж комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», королева эльфов и фей.

— А вот интересно, — сказала Юнити, — что такое орден Титании пятой степени, — но и ей было очень приятно, что их снова пригласят в Страну эльфов.

Грелке тоже не терпелось попасть туда: ведь она надеялась, что её починят, а это значило для неё куда больше, чем похвала Короля.

Они ждали приглашения, а оно всё не приходило. И, как ни странно, причину Чарльзу объяснил Шип. Если помните, после первого визита в Страну эльфов они с Чарльзом научились понимать друг друга.

— Там сейчас творится чёрт-те что, — пояснил Шип на простом и грубом собачьем языке, — а всё из-за барсук. Раскомандовался, всех разобидел. Он-де заставит себя слушаться, и вообще вся пустошь принадлежит ему.

— Сдаётся мне, он нашёл Каменное сердце, — предположил Чарльз.

— Так и есть, — согласился Шип. — Ты зашвырнул его в лес, а там как раз барсук выкапывал земляные орехи. Он наткнулся на амулет и отнёс домой, детишек позабавить. Но вскоре смекнул, что Каменное сердце даёт ему силу, жестокость и власть, да и оставил его себе. Теперь вот день ото дня становится всё сильнее и суровее. Если ему не помешать, того и гляди станет хозяином пустоши.

— Так звери из-за этого собрались?

— Да. Они уже собирались пятьдесят семь раз и учредили комиссию: уж, фазан, лиса, сова и главный — жук-навозник. И эта комиссия решила послать Делегацию.

— А вот интересно, что это такое, — встряла Юнити.

— Это серьёзная штука, — пояснила мисс Бисмарк. — Делегацию из нескольких участников отправляют к какому-нибудь важному лицу, чтобы сообщить, чего от него хотят. Важное лицо внимательно выслушивает, что ему говорят, и обещает хорошенько подумать. Потом благодарит участников

Делегации за то, что пришли, и они уходят — вот, собственно, и всё.

— Вот звери и решили как можно скорее послать Делегацию, — сказал Шип.

— И к какому же важному лицу они пойдут? — спросил Чарльз.

— К Королю эльфов, конечно же. Они послали ему извещение, что явятся в четверг через две недели. К их приходу готовят Зал торжеств.

— Дело настолько серьёзное, что вряд ли Король пригласит нас на ужин, пока не примет Делегацию и не разберётся, что к чему, — заключил Чарльз.

Тем временем барсук мистер Мелес, который до того, как нашёл Каменное сердце, был скромнейшим существом, забрал себе в голову, что звери встречались столько раз, чтобы сделать его королём.

— Они же знают, что, пока меня не коронуют, я им жизни спокойной не дам, — пояснил он жене и детям. — Придётся им признать, что я главнее всех прочих.

Миссис Мелес фыркнула.

— Они каждый день собираются и проводят совещания. Того и гляди, явятся ко мне с короной.

Миссис Мелес вздохнула, прикрывшись лапкой. Она чувствовала себя в точности так, как некогда миссис Фатт, и миссис Билли Джаго, и миссис Марш Галлопер. Из этого можно заключить, что жёнам тех, кто нашёл Каменное сердце, приходится куда тяжелее, чем его горемычным владельцам. Наконец настал великий день Делегации. Такой большой Делегации не видел свет. Обычно Делегация состоит участников из двадцати или около того, в этой же вереница из пяти-сот зверей растянулась на двести ярдов. Звери шли парами, как некогда на ковчег (кроме, разумеется, блох — те ехали, а не шли), и были здесь все существа, которые обитали в Дартмуре.

Де Квинси по такому случаю любезно сочинил строевую песню. Наверняка было приятно слышать, как участники Делегации распевают её в один голос, шагая по холмам и долам, преодолевая реки и скалистые кряжи.

Наконец они прибыли в Зал торжеств, и шесть членов комиссии, выбранных с величайшим тщанием, вышли вперёд, дабы изложить дело Королю.

Лису выбрали за смекалку, ежа — за здравый смысл, журавля — за красноречие, сову — за мудрость, а жука-навозника — потому что он сирота.

Король кивнул знакомым из числа делегатов, пожал лапы друзьям и поклонился всем собравшимся. А поскольку у Короля была прекрасная память на лица, он сразу заметил, что в Делегации не хватает всем известного зверя.

— А где же барсук? — спросил он. — Где мистер Мелес?

— Прекрасный вопрос, ваше величество, — отозвалась лиса. — В самом деле, где же барсук? Ведь именно из-за него сегодня и явилась к вам торжественная Делегация из пятисот зверей, птиц, рептилий и насекомых.

— Неужели он так всем насолил? — удивился Король.

— Всем до единого, ваше величество, — подтвердил ёж.

— Ну и ну! — удивился Король. — Я знаю его много лет: более добродушного, кроткого и спокойного джентльмена нельзя и желать.

— К сожалению, он изменился, ваше величество, — сказал журавль. — Мы пришли рассказать вам печальную историю его падения и...

— Если угодно, ваше величество, послушайте комиссию, — перебила сова, которая отлично знала, что если журавль разговорится, его не остановить.

— Я для того и пришёл, — ответил Король. — Пожалуйста, начинайте.

Встала лиса и, свершившись с записями, начала:

— Барсук решил стать королём пустоши, — сообщила она. — А мы решили, что этому не бывать. Не годится он в короли. Он простак и невежда. Ограниченный, скверный тип. Жрёт куропаточки яйца, бранится через слово. Всех искусал, исцарапал, начисто лишён королевских манер. Мы ужасно устали от его бахвальства, издёвок, угроз и считаем, что надо принять меры.

За лисой поднялся ёж.

— Я зверь прагматичный и знаю, какой вред и беспокойство барсук причиняет молодняку, забивая их головы всякими бреднями. Он хочет, чтобы они объявили его королём,

а в награду обещает поделить пустошь меж своими приспешниками. А пустошь не его, не ему её и делить! Я против подобных нелепых выходов и считаю, что надо принять меры.

Затем поднялся журавль.

— Как представитель воздушных сонмов пернатых, должен заявить, что мы полны глубокой и твёрдой решимости никогда, ни при каких обстоятельствах, как бы ни был велик соблазн, не присягать на верность барсуку. Нам не за что его благодарить, мы ничем ему не обязаны, а учитывая тот факт, что он повадился жрать яйца, думаю, всем собравшимся здесь зверям и птицам ясно: от воздушных сонмов пернатых не следует ожидать, что они станут благосклонно взирать на проделки этого мерзкого ночного существа.

— В том, что он ночное существо, нет ничего дурного, — перебила сова. — Я и сама существо ночное.

Журавль, кажется, возмутился, что его перебили, однако же продолжал:

— И я, и прочие представители воздушных сонмов пернатых, чьи интересы я в данный момент защищаю, изложили этот вопрос в семнадцати параграфах и разделах. Я подробно рассмотрю каждый из них, чтобы вы поняли нашу позицию и приняли решение, какую тактику нам следует избрать.

— Прошу прощения, — сказал Король. — Я с большим удовольствием выслушал бы, как вы подробно рассматриваете каждый из семнадцати параграфов вопроса, но времени нет.

Журавль поклонился, безуспешно пытаясь скрыть разочарование. Он-то надеялся произвести впечатление. Оратор он был прекрасный, но, к сожалению, нудный до невозможности. Журавль закончил речь, постаравшись как можно сильнее растянуть финал:

— В таком случае, ваше величество, я довольствуюсь замечанием, что не только я, но и все воздушные сонмы

пернатых, чьи интересы мне в данной ситуации выпала честь представлять, считают: надо принять меры.

Наконец журавль уселся на место, и встала сова:

— Надо обязательно принять меры, — заявила она. — Меньше слов, больше дела.

Это была колкость в адрес журавля. Король с Королевой невольно улыбнулись и похлопали изумительной краткости совы.

Жабу в комиссию не выбирали, но она подпрыгивала от нетерпения: так ей хотелось высказаться.

— Если у кого здесь и есть право голоса, так у меня, — проквакала она. — Барсук слопал обеих моих бабушек. Свет не видывал таких добрых, нежных, безобидных старушек. Их больше нет. Их отнял у нас этот гнусный убийца. Мы и лапок их не увидим. Нам всем угрожает опасность. Смерть бродит среди нас, и кто знает, кто падёт её жертвой? Одним словом, надо принять меры. Если мы не примем меры, я сама схвачусь с барсуком, пусть и рискуя отправиться вслед за бабушками!

Эту воинственную речь встретили одобрительными возгласами, и, когда жаба села на место, у всех рептилий на глазах были слёзы.

После такого выступления речь жука-навозника показала жалкой. Он промямлил что-то о том, что он сирота и несколько раз вынужден был улетать от барсука, чтобы спасти свою жизнь, но, боюсь, никто его толком не слушал: Делегация хотела знать, что скажет Король, а главное — что он решит сделать.

— Едва ли можно сомневаться... — начал Король и умолк, заслышав странный шум, донёсшийся от дверей. — Едва ли можно сомневаться... — повторил он, но шум усилился. Редко кто осмелится перебить Короля, и тот, разумеется, рассердился. — Едва ли можно сомневаться... — произнёс он в третий раз, но слова его утонули в гуле голосов. Несколько придворных эльфов бросились умирять крикунов.

— Едва ли можно сомневаться... — начал Король и осёкся: в дверях поднялась возня, и на пороге, расшвыряв стражников, показался барсук собственной персоной.

— Вот уж не ожидал от вас такой гадости! — воскликнул он.

На барсуке был твидовый костюм, шляпа-котелок и кричащий красно-зелёный галстук. Каменное сердце болталось на шнурке у него на шее, точно лорнет; барсук нахально и раздражённо размахивал над головой зонтиком.

— Сними шляпу! — велел Король. — Как ты смеешь так грубо шуметь, когда я говорю?

— Я же не знал, что ты говоришь, — парировал барсук, — а шляпу не сниму.

— Почему же?

— По той простой причине, что я и сам король, — пояснил барсук. — А король перед королём шапку не ломает. Мы с тобой ровня.

— Мой милый Мелес, — сказал Король, — ты, должно быть, лишился рассудка. Разве простолюдин может ни с того ни с сего сделаться королём?

— Может, если ему хватит ума. Если бы ты знал историю — а ты её явно не знаешь, — ты бы сразу заметил, что королями становились все кто угодно. Была бы смелость.

— Снимите с него шляпу, — велел Король, — и я вынесу ему приговор. Спорить тут не о чем. Хороший же король из него получится.

К барсуку бросились стражники-хобгоблины, окружили его, сбили с него шляпу и отобрали зонт. Прочие звери возмущённо кричали на барсука.

Затем Король с поистине королевским достоинством проговорил:

— Я вовсе не намерен, — начал он, — поступать безрассудно или использовать власть во зло. Я довольствуюсь тем,

что объясню тебе, насколько ты заблуждаешься. Тот, кто хочет стать королём, должен выполнить одно из следующих условий. Либо сменить на престоле другого члена королевской семьи, либо доказать свою храбрость, ум, силу и доброту, чтобы люди единогласно провозгласили его королём, поднесли ему корону и даже настаивали на том, чтобы он её принял. Так вот другие звери не имеют ни малейшего желания видеть тебя королём. Они любили тебя, и я тебя любил, но теперь они тебя не любят. Они тебя ненавидят, и ты сам тому виной, потому что, сказать по правде, не обладаешь ни умом, ни силой, ни храбростью, ни добротой. Ты всего лишь невоспитанный и невежественный барсук, который доставил всем массу ненужных хлопот, наделал глупостей и ошибок.

— Ой, да заткнись ты! — рявкнул барсук.

От изумления Король едва не свалился с трона, но сохранил самообладание, несмотря на такое непростительное оскорбление.

— Если кого и заткнут, так это тебя, — сказал он. — А то и чего похуже. Перебить Короля — это... я и слов-то не подберу.

Король обернулся к лорду главному судье, тот послюнил большой палец, принялся листать огромный сборник законов и наконец прочитал страшные слова:

— По приговору верховного суда каждого, кто перебыёт монарха, следует повесить, спустить с него шкуру и четвертовать.

— Так-то, — сказал Король барсуку. — Видишь, что ты натворил. В следующую среду днём тебя повесят, спустят с тебя шкуру и четвертуют. А теперь, будь любезен, ступай домой, и чтобы до самой казни о тебе не было ни слуху ни духу. Явишься ровно в половину пятого, чтобы тебя повесили, спустили с тебя шкуру и четвертовали. Да не опаздывай, слышишь, Мелес: смотри, хуже будет.

Тут в дверях вновь поднялась возня, и в зал вбежала миссис Мелес с четырьмя барсучатами, да так проворно, что её не успели перехватить. Все пятеро бросились к ступеням трона и упали рядышком на колени. Миссис Мелес заговорила, но понять её было сложно: слишком быстро она тараторила. Да и поздно она пришла: мужа её было уже не спасти.

Собравшиеся загомонили. Некоторые (их было всего шестеро) находили приговор чересчур суровым. Все остальные считали его вполне разумным, а кое-кто и слишком мягким.

На счастье барсука, один из шести сочувствовавших обладал большой властью. Остальные пятеро не в счёт, потому что это были его жена и дети, а вот шестой оказалась Королева. Однако против Королевы и семьи барсука были пять сотен птиц, зверей, рептилий и насекомых, хобгоблины и все эльфы: с такой непростой задачей Король давненько не приводилось сталкиваться.

Король глубоко задумался (в зале все замолчали, за исключением барсука — тот изо всей мочи свистел дурацкий мотивчик, притопывал лапой, стучал когтями и вообще вёл себя так, словно в его глазах никто из присутствующих, в том числе и Король, не стоит медного фартинга) и через пять минут отдал приказ:

— Пошлите за Чарльзом! — произнёс он величественно и звучно.

За Чарльзом послали, но этот приказ Короля с тех пор стал в Стране эльфов шутливым присловьем. Если кому-то случалось опрокинуть чашку чая, порвать шнурок, проспаться, забыть о поручении, взять чужой зонтик, свалиться с головной болью или просто икнуть, непременно говорили: «Пошлите за Чарльзом!» — но так, чтобы не слышал Король. Он, конечно, был мудр и добр, но порой не понимал шуток, если подшучивали над ним самим.

Посланец эльфов мигом долетел до Чарльза и сообщил ему на ухо, что его немедленно хочет видеть Король эльфов, но Чарльз, как ни спешил, добежал до Холма лишь через полчаса. Впрочем, в зале торжеств это время провели довольно приятно: по приказу Короля всем подали лёгкие закуски — разумеется, кроме барсука, который не получил ничего.

Наконец Чарльз пришёл, и Король изложил ему дело. Чарльзу предстояло решить вопрос, следует ли барсука повесить, четвертовать и спустить с него шкуру. Барсук по-прежнему пребывал в скверном и вздорном расположении духа, но делал вид, будто ему всё равно.

— Что ж, ваше величество, — произнёс Чарльз, хорошенько обдумав вопрос, — вам, конечно, виднее. Я ясно вижу, что барсук прискорбно переменился; он заслужил самое серьёзное наказание. Но я бы на вашем месте привёл в исполнение только часть приговора.

— Какую именно? — уточнил Король.

— Я не стал бы его вешать.

— Почему же?

— От мёртвого барсука нет проку, — пояснил Чарльз, — этим его не исправишь.

— Верно.

— По той же самой причине я не стал бы его четвертовать, — продолжал Чарльз, — а вот шкуру с него я бы спустил: это его образумит и научит скромности.

— Прекрасный совет, — сказал Король. — С барсука следует спустить шкуру, и это сделает Чарльз.

Но Чарльз с превеликой учтивостью объяснил, что собаки лучше него справятся с этим делом.

— Ваше величество, у меня есть друг по имени Шип. Он был на том чуждом ужине, который вы устраивали в честь мистера Загабога. Сам Шип вряд ли спустит с барсука шкуру, он всё-таки собака пастушья, но есть у него два друга, Флип и Чам, так вот они фокстерьеры. И каждый из них, ваше величество, сумеет спустить с барсука шкуру. Фокстерьеры этим славятся.

— Вот и чудно, — сказал Король. — Я со спокойной душой поручаю это дело тебе. — Он повернулся к собравшимся. — Наверняка Делегация будет рада услышать, что Чарльз и его друзья Флип и Чам в следующий четверг, ровно в половине четвёртого пополудни, спустят с барсука шкуру. Засим, уважаемые создания, имею честь пожелать вам чудесного вечера.

Король с Королевой ушли, и Чарльз обратился к барсуку.

— Я прекрасно знаю, что с вами, и мне вас очень жаль. Чем быстрее мои друзья спустят с вас шкуру и отберут проклятое Каменное сердце, тем будет лучше для вас.

— Никогда, — ответил барсук. — Тот зверь или мальчишка, кто попытается забрать его у меня, сперва попробует моих зубов и когтей. Я разорву его на куски.

Он отказался назвать свой адрес, но это не имело ни малейшего значения, поскольку Делегация отлично его

знала и, довольная, отправилась домой — как самая удачная Делегация в истории. Чарльз сообщил Юнити, мисс Бисмарк и Шипу о решении Короля, и Шип в тот же вечер наведился к Флип и Чаму с известием, что в следующий четверг им предстоит спустить с барсука шкуру.

— Дело стоящее, — заметила Флип, красавица-фокстерьерша. — Мне до смерти надоело душить крыс, а с барсуком будет схватка на славу.

— Надо будет потренироваться, — подхватил Чам, который был толстоват, — а то не пролезу в барсучью нору.

Барсук тоже не терял времени даром. Он заявил, что не родился ещё тот фокстерьер, который спустит с него шкуру, и приготовился задать собакам хорошую взбучку. В общем, драка обещала быть жестокой.

Когда же настал великий день, возле барсучьей норы собрались сотни зверей, чтобы увидеть, что будет. Они уселись в кружок, как в цирке, и, когда ровно в половине четвёртого показались Чарльз, Юнити, Шип, Флип и Чам, все звери встали, поприветствовали их радостными криками и пожелали удачи.

Барсук не сомневался, что ни Флип, ни Чам, ни полсотни других фокстерьеров нипочём не спустят с него шкуру, но знал, что схватка будет жестокой, а потому и отослал жену с детьми к её матери на другой конец пустоши. Миссис Мелес хотела остаться и помочь, но барсук и слышать об этом не желал. Сказал, что не дамское это дело (так и есть). Ещё он сказал, что, несомненно, убьёт обеих собак, которые явятся спустить с него шкуру, но это предстояло доказать.

Барсук расположился в кабинете в самой глубине норы; на шее у него висело Каменное сердце. Зелёные барсучьи глаза горели в темноте, как железнодорожные семафоры. По такому случаю он специально заточил когти, а зубы у него всегда были острыми.

Флип, сверкая красными глазами, залезла в нору, миновала коридор, столовую, гостиную, детскую и в кабинете столкнулась нос к носу с хозяином дома. Чам остался ждать в прихожей: дальше он просто не пролез из-за своей тучности.

Драка была жуткая. Барсук хватал, рвал, дёргался, царапался, кусался. Флип кусалась, рычала, хватала, тащила, драла барсука зубами. Шерсть с обоих зверей летела клочьями, и в пылу битвы оба едва не задохнулись. Глядь — и Флип волочёт мистера Мелеса в гостиную. Глядь — мистер Мелес из последних барсучьих сил возвращается в кабинет. В этом бедламе обрушился потолок, едва не расплющив обоих, однако дерущиеся успели выскочить из кабинета.

Драка продолжалась. Флип слабела от кровопотери. Барсук тоже выбился из сил. Но едва ли удалось бы его одолеть, не пойдя его соперница на хитрость. Флип сделала вид, будто больше не может сражаться, да так искусно притворилась, что сидящие у норы звери перепугались за её жизнь: Флип вышла и скулила так жалобно, точно барсук жрал её заживо. Однако это была ловушка. Флип поползла было прочь, будто надеялась спастись, и барсук, гордый своей великой победой, последовал за ней в коридор, рассчитывая в последний раз тяпнуть её зубами за нос, однако сам попал в зубы к врагу. Мощные челюсти Чама сомкнулись, как крысоловка, на правом ухе мистера Мелеса. Флип только того и ждала: она вцепилась барсуку в левое ухо, и не успел он опомниться, как его вытащили из норы — кверху лапками, вниз головой, за малым не наизнанку. Очутившись снаружи, бедняга смахивал на потрёпанный половичок: куда и девался великий и важный мистер Мелес!

Звери с криками и визгом бросились было к нему, но Чарльз их остановил. Шип и большие собаки, точно полицейские, сдерживали толпу, Чарльз же занялся бойцами. Сперва оказал помощь Флип, которая настолько ослабла, что

в изнеможении рухнула на бок и неподвижно пролежала так полчаса. Но барсуку пришлось куда хуже. Когда Флип с Чамом его выпустили, он и вовсе лишился чувств.

Потом Чарльз, который не только обладал умом, но и умел им пользоваться, сделал две мудрые вещи. Во-первых, послал почтового голубя к миссис Мелес, поскольку, если барсук испустит дух, неплохо бы жене перед смертью с ним попрощаться, а во-вторых, взял нож, перерезал шнурок и снял с его шеи Каменное сердце.

Наказав Шипу позаботиться о Флип, Чарльз со всех ног бросился к Холму эльфов. Слишком уж хорошо он знал, что гадкое Сердце уже начинает действовать, и хотел как можно скорее передать его эльфам, пока оно не наделало новых бед.

Тем временем барсук открыл глаза.

— Что случилось? — спросил он. — Где моя дорогая жена? — Казалось, он в полусне и понятия не имеет о произошедшем. — Что стряслось? — произнёс он. — Кто меня так отделал?

— С вас спустили шкуру, — пояснил Чам. — Это сделала моя подруга Флип, ну и я ей немного помог.

— Но за что? Чем же я заслужил такую жестокость? Нора барсука — его крепость. Вы не имели никакого права так со мной поступать.

— Им приказали, — пояснила куропатка. — С тебя велено было спустить шкуру, потому что ты набедокурил, всех разобидел, и сам это знаешь. Неужели не помнишь, как сожрал мои яйца?

— Сожрал твои яйца? Не может этого быть! — воскликнул барсук.

— Разве не ты загонял меня по своим делам? — подхватил дятел.

— Исключено! Я сам хожу по своим делам, каковы бы они ни были.

— Разве не ты велел мне убираться прочь? — вставила лиса.

— Силы небесные! Мыслимо ли это? Для меня огромная честь жить по соседству с тобой!

— Разве не ты говорил, что намерен стать нашим королём? — спросила сова.

— Королём? Королём? Я — королём? — Как бы ни был барсук слаб и измучен, эта новость показалась ему до того нелепой, что он сперва расхохотался, потом расплакался, и слёзы преобильно щипали его искусанную морду.

Барсука успокоили, и к приходу жены ему стало гораздо легче. Через несколько дней, когда он совершенно оправился, он обошёл всех зверей, птиц, рептилий и насекомых, чтобы лично попросить прощения у каждого. Он отправил покаянное письмо форели и лососю. Он сделал что мог, и все его простили, кроме жабы: к сожалению, она так его и не простила, забыв собственное правило: «Что бы ни случилось, не теряй головы».

Потом барсук отправился в Страну эльфов и принёс всем самые искренние и глубокие извинения. Король его простил и пригласил на чай — событие, ставшее звёздным часом бедолаги-барсука. На том и закончилось дело.

Однако вернёмся к Чарльзу, который без остановки домчался до Холма эльфов, чтобы передать важные вести. Он бросил Каменное сердце к ногам Короля и больше не прикасался к амулету. Король, имевший склонность к науке, послал за своими учёными мужами, и Сердце поместили под стеклянный колпак, откачав из-под него воздух, так что амулет очутился в вакууме. Оставалось понять, как быть дальше.

— Задача поистине непростая, — сказал Король. — Что бы мы ни решили, кто-то да пострадает. Если мы бросим амулет в воздух, его перехватит какая-нибудь птица, и среди «воздушных сонмов пернатых», как величественно именовал их

журавль, поднимется переполох. Если мы швырнём Каменное сердце в реку, его подберут лососи, а лососи, между нами говоря, и без амулета слишком высокого мнения о себе. Если мы выкинем его в лес, между зверями снова начнутся нелады, а если оставим его здесь, рано или поздно до него доберётся кто-то из эльфов, потому что природа не терпит вакуума, а значит, и не позволит нам долго держать в вакууме Каменное сердце. Возникает вопрос: что же с ним делать?

Не успел никто слова сказать, как к Королю подошёл глашатай:

— Ваше величество, пришла девочка по имени Юнити, с ней грелка мисс Бисмарк. Юнити спрашивает, можно ли войти. Угодно ли вам их принять?

— Впустите, — велел Король. — Я давно хотел познакомиться с этой грелкой. Надо будет её чем-нибудь одарить. Что же до Юнити, то женский ум, как я не раз убеждался, зачастую способен распутать самый сложный вопрос, перед которым пасует куда более выдающийся ум мужской.

Вошли Юнити и мисс Бисмарк. Юнити рассчитывала перехватить брата по пути к Холму эльфов и по дороге встрети-
лась с грелкой: им не терпелось передать добрую весть
о том, что мистеру Мелесу лучше, и Флип почти поправи-
лась — после того как ей пообещали тридцать бифштексов.

Глава 14

ПРОЩАЙ, КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

Король любезно поприветствовал пришедших, с трево-
гой выслушал известие о болезни грелки и тотчас послал
за пятью придворными лекарями, которые забрали грелку
на осмотр. Чарльз и Юнити волновались за мисс Бисмарк,
но Король попросил Юнити подумать над одним вопросом.
Его величество объяснил положение дел и поинтересовался,
нет ли у неё на уме какого-нибудь разумного решения.

— Одним словом, — заключил Король, — Каменное
сердце представляет угрозу для общества, я же, признаюсь,
не имею ни малейшего понятия, как подступиться к этой за-
даче — ни на земле, ни в небесах, ни под водою.

Юнити сунула палец в рот и нахмурилась, как всегда,
когда ей нужно было решить трудный вопрос. Помолчав се-
кунд десять, она проговорила:

— А вот интересно, что сделал бы уважаемый Загабог.

Все уставились на Короля и, увидев, что он улыбается,
искренне зааплодировали Юнити.

— Женский ум, — сказал Король, — вновь справил-
ся с непростой задачей. В Стране эльфов на любой вопрос
найдётся ответ. Мы выясним, что сделал бы наш дорогой
Загабог. Немедленно пошлите ему телеграмму. Загабог сей-
час на Ривьере, это совсем рядом. Сообщите ему, что после

борьбы нам удалось завладеть амулетом, в настоящее время Каменное сердце покоится в вакууме, и король Страны эльфов желает знать, как нам с ним поступить. — Король взглянул на часы. — Сейчас без четверти шесть, — сказал он. — Ответ мы получим без четверти семь, если не раньше. Пока же разгадаем шараду-другую и угостимся холодными закусками.

Загабогу отправили телеграмму, после чего занялись шарадами и угостились закусками. Вслед за этим случилось радостное и светлое событие для Чарльза, Юнити да и вообще для всех. Двери королевской смотровой распахнулись, и вышли пятеро придворных лекарей, наигрывая на стетоскопах прелестную полечку. А посредине, цела и невредима от яркого медного носика до кончиков ножек, скакала счастливая грелка.

Мисс Бисмарк совершенно преобразилась. Куда и девались дыры, уныние, хромота и отчаяние, вызывавшие жалость у сердечного наблюдателя! Вид у неё был крепкий, бодрый, цветущий и совершенно здоровый, как у самой обычной грелки. Её плоское лицо морщилось в улыбке. Грелка шагала

пружинисто, легко. Она вся сияла, и медный носик её блестел, как звезда в морозную ночь.

Грелка приплясывала от радости и даже пару раз перекувырнулась, не в силах скрыть удовольствия. Она пожала Чарльзу руку и горячо расцеловала Юнити (грелка вообще существо горячее).

Главный лекарь объяснил, что ему с коллегами удалось быстро выяснить, чем страдает грелка, и вылечить её. Сама же мисс Бисмарк призналась, что стала как новая, если не лучше.

Король с интересом выслушал рассказ о приключениях грелки и поинтересовался её дальнейшими планами. Мисс Бисмарк сказала, что ещё не задумывалась об этом, поскольку почитала карьеру свою законченной. Ей до сих пор не верится, что она теперь бодра, крепка, совершенно здорова и «годится для честного дела».

— Я очень люблю своё дело, ваше величество, и ничто меня так не радует, как возможность согреть кого-то холодной ночью.

Тут Королю пришла счастливая мысль.

— Вы останетесь с нами, — сказал он. — Погода стоит холодная для этого времени года. Сегодня же вечером вы ляжете в нашу с её величеством кровать.

От волнения грелка не могла вымолвить ни слова. Подумать только, как же ей повезло! Только что она была жалкой калеккой, одни дыры да несчастья, висела себе на гвозде на конюшне — и вот уже лекари-эльфы её исцелили, привели в полный порядок, а Король с Королевой предложили согреть им ложе.

А поскольку голос у грелки тоже окреп, она затянула песню:

— Давайте, друзья, всем миром на счастье
Про славную грелку мы песню споём.

А чтобы дарила тепло вам в ненастье,
Наполним её до краёв кипятком.
Король с Королевой
Забудут тревоги,
Коль славная грелка
Согреет им ноги!

После этой замечательной песни грелка ушла с постельными, чтобы рассказать им, как откручивается её носик, и о прочем, что им следует знать. На выходе, горячо распрощавшись с Чарльзом и Юнити, грелка столкнулась с мальчиком-телеграфистом, который принёс телеграмму от Загабога.

Герольд распечатал депешу и прочитал придворным. Вот что говорилось в телеграмме:

«Отель «Ройал», Сан-Ремо

Его великолепному величеству Королю от его верного
друга и почитателя Загабога:

Дабы без всякого риска и вреда уничтожить амулет под названием «Каменное сердце», возьмите одного мальчика (того, которого зовут Чарльзом) и одну девочку (ту, которую зовут Юнити). Погожим пятничным утром до зари попросите Юнити принести в подоле фартука амулет на так называемый Кукушкин камень, на котором всегда отдыхает моя подруга кукушка, когда прилетает на лето в Дартмур. Велите Чарльзу раздобыть самую большую кувалду из тех, какими орудуют дорожные рабочие, и трижды стукнуть ею по Каменному сердцу. Оно рассыплется в пыль. Король эльфов должен подбросить щепоть этой пыли в воздух, Королева должна высыпать щепоть в воду, а лорд-канцлер должен рассеять щепоть по земле.

Пусть на церемонии присутствуют все существа, которых интересует Каменное сердце, а после неё Рассветный ветер споёт свою песню, взойдёт солнце, и все отправятся домой завтракать.

Надеюсь, эта депеша застанет Короля и Королеву эльфов в таком же добром здравии, в каком я её отправляю. Засим остаюсь их верный друг

ЕДИНСТВЕННЫЙ И НАСТОЯЩИЙ ЗАГАБОГ

Р. С. Сник выражает почтение и передаёт привет».

— Завтра как раз пятница, — сказал Король, — к чему терять неделю? Пусть мои приказы немедленно разошлут всем, кто должен до света явиться к Кукушкину камню. Юнити принесёт в подоле фартука амулет, Чарльз раздобудет самую большую кувалду, какой орудуют дорожные рабочие, а его отец, мистер Билли Джаго, почтит нас своим присутствием.

Учёный эльф с помощью волшебных щипцов извлёк Каменное сердце из-под стеклянного колпака. Удивительно, но, хотя Юнити отнесла домой Каменное сердце, она осталась всё той же маленькой любопытной пичужкой, что и всегда. Амулет ничуть не испортил. То ли Каменное сердце догадалось, что будет дальше, испугалось и ослабело, то ли сердечко у Юнити было таким нежным и кротким, что ему ничпоём любой злой амулет.

В четыре часа утра закукарекали петухи, словно, как все, понимали, что сегодня должно случиться нечто важное. Кукушка, в этом году задержавшаяся в Дартмуре дольше обычного, уселась на вершине облюбованного ею камня, огляделась по сторонам и увидела, что к камню со всех сторон стекаются звери, эльфы и прочие существа. А поскольку кукушка птица робкая, она мигом упорхнула и летела без остановки до самой Франции.

Первыми прибыли обитатели фермы Джаго: Билли Джаго, Джон, который был совсем взрослый, Мэри и Тедди, Фрэнк и Сара, Джейн с малышом и, наконец, Чарльз с самой большой кувалдой, какую удалось раздобыть, а за ним Юнити с амулетом в подоле фартука. За ними последовали все важные звери и, конечно, барсук, которого предстоящая церемония интересовала больше всех. Завидев Каменное сердце, барсук ошетинился и готов был сам размолотить его в порошок. Шип, Флип и Чам тоже пришли. Потом явились полчища хобгоблинов: Марш Галлопер с женой и её племянницей, Огнедышащий Дракон с женой и прочие уважаемые представители племени. За ними пришли Король и Королева

эльфов с королевской семьёй и грелкой, лорд-канцлер и прочие придворные сановники, включая, разумеется, Де Квинси, на фраке которого красовались буквы «В. Я. К.», сказочник Ганс Андерсен, герольды, хор и оркестр. Десять тысяч эльфов собрались на церемонию: Король обожал пышные зрелища и хотел, чтобы их видели все.

Едва зрители обступили Кукушкин камень, из утреннего света соткались два неярких силуэта и грозно нависли над камнем, где лежало Каменное сердце. Они были выше любого из собравшихся, и сквозь них был виден восход: ведь то были духи из Страны теней. Одним из них был Фатт, грозный вождь племени, что населяло Гримспаунд в далёком каменном веке, когда Каменное сердце начинало свой путь, а вторым — могущественный шаман Фам, который и сделал амулет в своей таинственной мастерской у реки.

А вдали, на фоне зари, над кольцом каменистых холмов маячили ещё два гигантских величественных силуэта. Их запросто можно было принять за огромные багровые облака с золотистыми и алыми прожилками и каймою, увенчанные стягами с геральдическими символами, что взлетают в самый зенит от восходящего солнца. Но это были не облака. Эльфы и все, кто понимает суть вещей, прекрасно их узнали. Как и Юнити — она помахала им шляпкой, послала воздушный поцелуй и воскликнула:

— А вот интересно, где дорогой Загабог взял такие чудные наряды!

— Ему их каждое утро присылает солнце, ведь он, как и я, не надевает дважды один и тот же костюм; сама видишь, сидят они как влитые, — ответил Король.

И действительно, две величественные фигуры, возвышавшиеся, точно колонны, на востоке небес, были Загабог и его приятель Дух грома в лучших своих нарядах. Обоих очень интересовала церемония, а Дух грома даже не стал

хохотать — и к лучшему, ведь если бы он захохотал, то заглушил бы музыку и напугал многих собравшихся.

Наконец настал торжественный момент, когда Каменное сердце предстояло разбить и развеять в равных долях по земле, воздуху и воде. Чарльз трижды ударил по нему кувалдой. И с третьим ударом — глядь! — от блестящего чёрного кремня осталась лишь горсточка пыли. Король взял первую щепоть и развеял по воздуху, так что расчихались птицы. Королева взяла щепотку и высыпала в реку: рыбы оживились, принялись резвиться, точно после весеннего ливня. Лорд-канцлер взял последнюю щепоть и рассыпал её по земле: звери закашлялись, зафыркали. Но на всех живых существ пыль от амулета подействовала одинаково: взбодрила и развеселила. На каждого из них она подействовала как тонизирующее средство — и на тех, у кого плавники, и на тех, у кого перья, и на тех, у кого шкура, на всех, кто дышит воздухом, и на всех, кто дышит водою.

Вот почему воздух в Дартмуре так бодрит, так кусает за щёки и придаёт сил, вот почему он так веселит и разжигает аппетит. Вот почему вода в Дартмуре такая пенистая и свежая, такая живительная и холодная, а земля в Дартмуре такая твёрдая, упругая и пружинистая, что по ней ходишь и бегаешь день-деньской и не устаёшь. В Дартмуре до сих пор остаются следы амулета, и людям, что там обитают, без этого никак нельзя, уж поверьте: среди высоких каменистых холмов и поросших вереском пустошей нужно быть сильным, крепким, выносливым и готовым ко всему, особенно когда приходит зима и могучий северный ветер расправляет снежные крылья, а ветер восточный скалит зубы.

Теперь же, как и обещал Загабог, церемонию завершил кроткий Рассветный ветер. После того как последняя щепоть пыли, оставшейся от амулета, рассеялась по земле и все присутствующие откашлялись, повисла мёртвая тишина.

В наступившей тишине с небес зажурчала бурная, хоть и негромкая музыка, и Рассветный ветер пропел мелодичную и довольно весёлую песню, которой слушатели толком не поняли, но обрадовались, поскольку радовался Рассветный ветер. Потом Рассветный ветер, Загабог и Дух грома улетели сквозь волшебные Утренние врата, а собравшиеся проводили их взглядом.

А потом все отправились домой завтракать — с лёгким сердцем и отменным аппетитом.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1.	ФАМ ДЕЛАЕТ АМУЛЕТ	3
Глава 2.	ПРАВЛЕНИЕ ФАТТА	11
Глава 3.	СЕМЕЙСТВО ДЖАГО С ФЕРМЫ МЕРРИПИТ	17
Глава 4.	МИСТЕР ДЕ КВИНСИ	27
Глава 5.	ПИР ЭЛЬФОВ	36
Глава 6.	ЗАГАБОГ РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ	45

Глава 7.	ДВЕ ИСТОРИИ, РАДОСТНАЯ И ПЕЧАЛЬНАЯ	53
Глава 8.	ВТОРОЙ ВИЗИТ К ХОЛМУ ЭЛЬФОВ	65
Глава 9.	ТОТ САМЫЙ ГАЛЛОПЕР	75
Глава 10.	ЭКЗАМЕН	87
Глава 11.	ХОБГОВЛИН СРЕЗАЛСЯ	96
Глава 12.	МИСТЕР МЕЛЕС И ДЕЛЕГАЦИЯ	104
Глава 13.	ПРИГОВОР	116
Глава 14.	ПРОЩАЙ, КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ	124

УДК 821.111-34
ББК 84(4Вел)
П20

Katherine Paterson
THE FLINT HEART

Патерсон, Кэтрин
П20 Каменное сердце [Текст] / Кэтрин Патерсон ; [перевод с англ. Юлии Полещук] ; худож. Ирина Петелина. — М. : Лабиринт Пресс, 2022. — 132, [4] с. : ил. — (Нетландия).
ISBN 978-5-9287-3513-5

Все началось много лет назад, когда шаман смастерил из кремня амулет. Каменное сердце делало своего хозяина могучим и грозным воином, но отнимало у него способность любить и причиняло много горя всем вокруг. Казалось бы, ничего не стоит снять да и зашвырнуть Сердце подальше, и опять жизнь потечет по-прежнему! Но всегда найдется желающий примерить на себя вместе с амулетом роль сильного и жестокого правителя — даже среди крошечных болотных эльфов или смешных барсуков, не говоря уже о людях! А значит, Каменное сердце и через тысячи лет вновь и вновь будет пробуждаться и творить свое злое колдовство.

УДК 821.111-34
ББК 84(4Вел)

Литературно-художественное издание
Для детей 7–10 лет

НЕТЛАНДИЯ
Патерсон Кэтрин

Каменное СЕРДЦЕ

Сказочная повесть

Перевод с английского Юлии Полещук
Стихотворение Роберта Геррика в переводе Татьяны Стамовой
Художник Ирина Петелина

Разработка серийного оформления Евгении Кузнецовой
Редактор Галина Урбанович
Дизайн и верстка Евгении Кузнецовой
Технический директор Лариса Шабалева
Корректор Ирина Романова

Подписано в печать 30.05.2022. Дата изготовления 30.06.2022.
Формат 84 × 108/16. Бумага мелованная. Гарнитура Futura.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 4422

ООО «Издательство Лабиринт Пресс»
115419, Москва, 2-й Рошинский пр., д. 8, стр. 4
Тел.: (495) 723-7295, 231-4679, 780-0098
E-mail: redactor@labirint-press.ru
<http://www.labirint-press.ru>

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
E-mail: sales@chpd.ru

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

ISBN 978-5-9287-3513-5

Copyright The Royal Literary Fund, successors to Eden Phillpotts 1910.

Copyright Katherine and John Paterson 2011.
Published in the United States by Candlewick Press.
© ООО «Издательство Лабиринт Пресс», 2022.

Все права защищены

1997

